

Владимир КОРЧАГИН

ПРИЗРАК МИНУВШЕГО

1

Кириллу Градову, молодому, двадцатишестилетнему преподавателю физики Верхнегорского педучилища не повезло с самого начала, с первого дня нынешнего летнего отпуска. И дело было не только в том, что теплые солнечные дни внезапно сменились холодной дождливой непогодой. Это куда бы ни шло. Хуже было то, что его друг и коллега Сергей Пугов, вместе с которым они собирались отдохнуть дикарями в небольшом приморском поселке и кто, собственно, и предложил этот «классический» вариант проведения отпуска, вчера вдруг уведомил Кирилла, что поехать с ним к морю он не может. Его, Сережку Пугова, преподавателя истории в электро-механическом

техникуме, «пригласили», видите ли, принять участие в какой-то археологической экспедиции, и он должен поехать с ней чуть ли не на границу с Турцией – именно в то самое время, какое они планировали провести в Прибрежном.

А ведь он, Сергей, уже и с знакомой квартирной хозяйкой списался, и даже задаток выслал. Да и что будет делать Кирилл один в этой забытой богом дыре, которой он никогда не видел, где, по словам самого же Сергея, насчитывалось не больше десятка домишек и куда и добраться-то можно было лишь на случайной машине.

Нет, надо еще раз позвонить Сережке, и если тот по-прежнему будет упорствовать с этой своей экспедицией, то твердо и решительно сказать ему, что ни в какой Прибрежный он, Кирилл, не поедет.

Он набрал номер приятеля и, услышав знакомый басок, прямо, без обиняков сказал:

– Слушай, Серега, ты не одумался, не отказался от своей идиотской затеи?

– Это ты о раскопках?

– О чем же еще!

– Чудак ты, Кирилл. Одуматься! Я же говорил тебе, это не обычные раскопки. Похоже, археологи наткнулись на остатки какой-то чрезвычайно высокоразвитой цивилизации. Невероятно высокоразвитой! Чуть ли не такой, как наша. А возраст ее оценивается в десять-двенадцать тысяч лет. И все это увидеть собственными глазами! Такой случай выпадает раз в сто лет. Я и не мечтал, что когда-нибудь так бешено повезет. Ведь не исключено, что нам всю историю человечества придется перекроить...

– Ну, это ты кому-нибудь другому скажи, – буркнул Кирилл.

– Экий ты Фома неверующий. Но пусть даже все это окажется не совсем так, как говорят. Все равно мне, как историку...

– Ну да, без тебя там не обойдется!

– Не в этом дело! Я хочу сказать, нельзя заниматься историей, учить историю, не пощупав ее, так сказать, своими руками.

Кирилл с минуту помолчал:

– Да уж, в изречении прописных истин тебя не перещеголять. А впрочем... Поступай, как знаешь, только имей в виду, ни в какой Прибрежный я без тебя не поеду!

– Да почему, Кирилл? – искренне возмутился Пугов. – Лучшего места ты просто не найдешь. Разве я тебя не знаю? Тебе что, танцульки нужны? Светское общество? Или ты без ресторанов не проживешь и всяких там концертов-балетов? Ты и в городе из своей берлоги не вылезаешь. А там, в Прибрежном, – воздух, тишина, море! Ни тебе машин, ни дачной публики. Хочешь – сиди над своей диссертацией, хочешь – жарься на солнце. Да и в смысле жратвы: уж чего-чего, а голодным тетка Лизавета не оставит! Недаром я два сезона у нее квартировал. У нее и завтрак, и обед, и ужин, и черешни – от пузы! И за все про все – сто целковых в месяц. Где ты еще такое сыщешь?

– Так-то оно так... А все-таки не хотелось бы совсем одному ехать к незнакомым людям.

– Так поезжай с кем-нибудь другим. Если у тебя найдется еще хоть один приятель.

Кирилл помолчал. Друг уколол его в самое больное место: будучи страшно стеснительным и замкнутым, Градов очень трудно сходился с людьми, и Сергей был, пожалуй, единственным человеком, с кем он сдружился еще в студенческие годы.

– Ладно, я подумаю... – вздохнул он в трубку.

– И думать нечего! – снова заговорил Сергей. – Сегодня, же бери билет и, как говорится – с богом! А я сейчас черкну пару слов Лизавете, тебе и объяснять ничего не придется. Да, кстати, – прибавил он заговорщическим тоном, там ждет тебя такой сюрприз, что навек моим должником станешь.

– Что еще за сюрприз? – насторожился Кирилл.

– Ну, это я тебе не скажу, иначе что от сюрприза останется.

– Знаю я твои сюрпризы, – отмахнулся Кирилл. Опять что-нибудь из любезной твоему сердцу старины глубокой?

– Да нет, скорее из обожаемых тобой необъяснимых явлений.

- Что-что?! Уж не хочешь ли сказать, что там ждёт меня встреча с НЛО?
- Нет, НЛО я тебе не обещаю. Но бьюсь об заклад, что то, с чем ты действительно встретишься, будет почище любого НЛО.
- Ну, если так...
- Именно так, дружище. Так что бросай все и беги за билетом.

2

Так получилось, что недели полторы спустя, рано поутру, молчаливый грузин высадил Кирилла из своего обшарпанного москвича у подножья большой горы, подступившей к самому морю, и, пересчитав полученные деньги, указал на несколько домиков, еле заметных в сплошной стене густых зарослей:

– Вот он, твой Прибрежный. Шагай прямо.

Машина, фыркнув, сорвалась с места и быстро скрылась за поворотом. Кирилл огляделся по сторонам.

Места здесь были действительно райскими. Узкая, сплошь заросшая травой дорожка, чуть затененная невысоким тутовником, мягко поднималась к первым домам поселка и сразу терялась в тесном переплетении склонившихся над ней деревьев. Дальше было видно лишь несколько деревянных выцветших на солнце крыш да сильно покосившуюся треногу старого триангуляционного пункта, казавшегося какой-то нелепой загогулиной на фоне ярко-зеленой громады, вздыбившейся к самому небу. А сзади, в какой-нибудь сотне шагов от дороги, свободно и властно, заполняя собой весь пронизанный солнцем окоем, раскинулась бескрайняя серебристо-синяя гладь, четко отороченная широкой полосой ровного, удивительно белого пляжа. Все вокруг дышало какой-то сказочно-неестественной тишиной. Казалось, сам воздух застыл здесь в спокойной сонной дреме.

Кирилл не спеша поднялся к крайнему дому-развалюхе и, увидев за калиткой старую, склонившуюся над грядкой женщину, несмело спросил:

– Простите. Вы не скажете, как пройти к дому Елизаветы Александровны?

Женщина медленно выпрямилась и, поправив на голове платок, неожиданно улыбнулась теплой материнской улыбкой:

– Так я та Лизавета и есть. А ты не иначе, как тот хлопчик, о котором писал Сергей. Так что, прошу до хаты.

Кирилл подхватил чемодан и, пройдя по густо заросшей бурьяном дорожке, не без робости вступил вслед за хозяйкой в ее более чём убогое домовладение. Впрочем, вопреки всем ожиданиям, сразу за порогом перед ним открылась небольшая, но очень чистая комната, одна из дверей которой привела в совсем уж крохотную комнатушку, которая, как оказалось, и предназначалась для Кирилла.

– Вот тут и устраивайся, сынок, – ласково проговорила хозяйка. – Здесь, стало быть, будет твоя спаленка. А днем можешь ходить по всей хате. Я тут одна живу, никто тебе не помешает.

Кирилл взглянул в единственное на всю комнату окно. Его почти полностью затенял золотисто-зеленый разлив пышно разросшейся листвы виноградника, сразу за которым высилась глухая стена высоченного забора с грозно ощетинившейся поверх него ржавой гирляндой, колючей проволоки.

– А это что за концлагерь у вас под боком? – решил пошутить Кирилл.

– Концлагерь и есть! – подхватила хозяйка. – Сосед мой, Игнат Полипчук, отгородился тут от всего мира, чтобы никто из нас, горемычных, на его добро не позарился.

– И много у него добра?

– Кто знает. Все теперь только и видят крышу его хором, – указала тетка Лизавета на ярко поблескивающие на солнце широкие листы оцинкованного железа. – А что под той крышей, одному богу известно. Да видно, есть что, коль такой забор понадобился.

– Так, может, у него такая семья, что...

– Какая семья! Сам, жена, дочь-невеста. А уж хапает, хапает! И все мало. Да вот увидишь. Ты располагайся, устраивайся пока. А я с завтраком похлопочу. Сергей-то у меня все время об эту пору завтракал. А ты как будешь?

– Мне все равно, как вам удобнее. Распаковав чемодан и разложив свои вещички, Кирилл вышел познакомиться с поселком. Прежде всего его почему-то заинтересовал особняк Полипчуков, соседствующий с усадьбой тетки Лизаветы. Впрочем, здесь, со стороны улицы, его так же скрывал сплошной забор. Ничего нельзя было рассмотреть и сквозь массивные ворота с глухой калиткой, на которой красовалась блестящая табличка с грозным предупреждением о «злой собаке».

Кирилл прислушался. Из-за забора не доносилось ни звука. Однако не успел он отойти на несколько шагов, как там раздался шум мотора, а вслед за тем ворота раскрылись, и из них выкатил мотоцикл с широченной коляской, доверху нагруженной коробками и корзинами с ягодами, помидорами, свежими огурцами, зеленым луком и громадными букетами цветов, обернутыми марлей.

За рулем мотоцикла восседал плотный коренастый мужчина в черном пластмассовом шлеме, за спиной у него примостилась маленькая худенькая женщина с красным изможденным лицом и грубыми обветренными руками. Мужчина соскочил наземь, плотно прикрыл ворота, и через минуту мотоцикл скрылся из глаз, оставив за собой сизое облако скверно пахнущего дыма.

Кирилл пошел дальше вверх по улице, если можно было назвать улицей широкую, сплошь поросшую травой дорогу, вдоль которой по обе стороны выстроилось несколько разномастных, сложенных из дикого камня домов, плотно обсаженных яблонями, айвой, черешней, фундуком, меж которых без всякого порядка пробивались кустики перца, помидор, вились плети арбузов и дынь.

Двери большинства домов были раскрыты настежь. Но ни возле них, ни на самой улице не было видно ни души, хотя солнце поднялось уже довольно высоко и обещало погожий жаркий день.

Кирилл прошел всю улицу до конца и остановился возле небольшого родничка, заключенного в аккуратный сруб с легким навесом из позеленевшей черепицы. Дальше дорога шла круто на подъем и терялась в молодом сосняке, сплошь окаймляющем нижнюю часть горы. Эта узкая тропинка, петляющая меж янтарно-красных стволов, будто манила окунуться в пахучую прохладу, напоенную смолистым ароматом. Но Кирилл вспомнил о ждущем его завтраке и повернулся обратно, к дому своей гостеприимной хозяйки.

Прибрежный нравился ему все больше и больше. Даже глухой забор Полипчуков не казался уже столь мрачным и гнетущим. Тем более, что теперь, когда он снова проходил мимо него, там, за воротами, послышалось вдруг радостное, а отнюдь не злое, повизгивание собаки и прозвучал в ответ очень приятный девичий голос.

3

За завтраком разговор снова зашел о соседях тетки Лизаветы.

– Они куда, на рынок поехали? – спросил Кирилл, вспомнив нагруженный овощами мотоцикл.

– На рынок, в Чернореченск. Каждый божий день ездят. С весны до поздней осени. Не один мешок, поди, деньгами-то набили. И было б для чего! Одна дочь растет. Да и та не от мира сего.

– Как не от мира сего?

– А вот сам увидишь. Лет двадцать уж ей или около того. А никто в поселке голоса ее не слышал. Сиднем сидит в четырех стенах. А если и выйдет в лес или на берег моря, так идет, голову в сторону не повернет, будто и не люди кругом. И обязательно с собакой.

– Вот как! Кто же она? Работает где-нибудь или учится?

– Учится. Чуть ли не в самом Ставрополе, говорят, на учительшу учится. В позапрошлом году еще Игнат ее туда увез. Теперь только на лето приезжает. И уж совсем зазналась, словом ни с кем не перекинется. Ну ладно, мы не в счет. Всю жизнь в земле – деревенщина. А взять того же Сергея. Собой видный, уважительный, говорить начнет – заслушаешься. Так поди ж ты, и он ей не чета, и на него с собакой. А уж сама-то, сама... Да вон, смотри, – легка на помине!

Кирилл выглянулся в окно. Там, вниз по улице, по направлению к морю, действительно, шла девушка. Высокая, смуглая, темноглазая, с пышной копной светлокаштановых волос, свободно вьющихся по спине и плечам, мягко обрамляющих красивое, но очень уж холодное, строгое, даже надменное

лицо. В руках у девушки была толстая книга. Рядом с ней бежала крупная бело-рыжая шотландская овчарка.

– Вот, видишь. И так всегда. Идет, как принцесса на горошине.

– Почему же на горошине? – рассмеялся Кирилл.

– А чего нос воротить, чего от людей отворачиваться?

– Мало ли чего... – ответил Кирилл, невольно любуясь отлично сложенной фигуркой удаляющейся девушки. – Кто знает, что у человека на душе...

– На душе-то? А это еще вопрос, что у нее за душа. Я не успела сказать: никакая она им не дочь, Игнату-то со Степанидой. Подкинули им ее, подбросили уже большенкой. Она в то время уж и на ножках стояла и лопотала во всю. Только вот незадача: лопотала-то не по нашему, не по-русски то есть. И на внешность тоже: глазища черные, сама – как хной выкрашена. А главное – оставили при ней узелок с каким-то несметным богатством...

– С каким богатством? – не понял Кирилл.

– А это я тебе не скажу. Всякое потом болтали: то ли тьма-тьмущая денег была в том узелке, то ли каменя драгоценные, а только не успели Полипчуки удочерить ее, как сразу, точно в сказке, озолотились. Прежде-то они в такой же, как у меня, развалюхе ютились. А тут и домище отгрохали, и накупили всего: холодильников, мебели всякой,

мотоцикл вот тоже. Только скажу тебе: не в прок пошло им это богатство, осатанели они от скупости, на людей стали не похожи.

– Постойте, Елизавета Александровна. Вы говорите, девочку большенкой подкинули. Она и ходила и говорила. Значит, ей годика три-четыре было?

– Вроде того...

– Так какой же она подкидыш? В таком возрасте ребенок мог сам прийти в поселок. Мог заблудиться, мог потерять отца или мать, мог, наконец, просто убежать из дома. Почему никто не попытался разыскать его родителей?

– Искали, как не искать. Даже милиционер приезжал из города. Нигде – ничего!

– Ну, а сама она? Сама что рассказывала?

– Что рассказывала! Говорю тебе, она ни слова ни по-русски, ни по-украински, ни по-грузински. Лопочет что-то по-своему, а никто ничего не поймет. И она нас не понимает. Потом, месяца два спустя, из самой Москвы приезжал этот... Как его? Полу... Полы...

– Полиглот?

– Вот-вот, полиглот. Так он, сказывают, полдня с ней провозился, чуть ли не на сорока языках старался говорить. И все без толку. Так и осталась она у Полипчуков. Со временем и говорить по-нашему научилась. И Игната со Степанидой отцом и матерью стала звать. А как была нелюдью, так нелюдью и осталась. Ты вот говоришь, что-то там на душе у нее. А может, и нет в ней христианской души-то? Может, отроду она нехристь какая: арабка али бусурманка?

– Что из этого. Дети своих родителей не выбирают. И не ее вина в том, что девочка осталась сиротой. Как и в том, что судьба связала ее с Полипчуком.

– Не знаю, не знаю, а только не лежит у меня душа к ней, и все тут. Не наша она какая-то, не тем миром мазана. Ну да бог с ней...

– Вот именно. Не нам судить ее. Да и ни к чему. Пойду-ка я лучше искупаюсь.

– Иди, иди. Заговорила я тебя, – тетка Лизавета принялась убирать со стола, а Кирилл быстро переоделся и пошел к морю.

Солнце поднялось уже довольно высоко. Роса на траве обсохла. Море вдали сверкало и переливалось всеми тонами сине-зеленых цветов спектра. А из головы у Кирилла все не шло то, что он только что узнал о своей таинственной соседке.

Откуда, все-таки, взялась здесь девочка-ребенок? Кому понадобилось привести или привезти ее в заброшенный в глухи поселок? И зачем? Что за тайна окружает эту красивую гордую смуглую? Уж не этот ли сюрприз имел в виду Сергей, когда уговаривал его поехать в Прибрежный?

И захотелось еще раз увидеть ее, рассмотреть поближе, попробовать понять, что же было в ней такого необычного и в то же время неотступно притягательного.

Однако пляж был пуст. Девушка очевидно ушла далеко за мыс или скрылась в прибрежных зарослях.

– Вот досада! – посетовал Кирилл. – Надо было сразу пойти за ней. А впрочем... Что бы я сказал ей сейчас? Как подошел, с чего начал разговор? А сидеть и молчать рядом с девушкой на абсолютно пустом пляже... Нет, хорошо, что она ушла. И все-таки...

Кирилл сошел почти к самой воде и, выбрав площадку поровнее, сбросил с себя рубашку и брюки. Море было спокойным. Прибой еле шелестел у его ног. В прозрачной голубизне легко просматривались каждый камень, каждая рытвина на дне. Он готов был уже броситься в эту искрящуюся прохладу, как вдруг услышал за своей спиной надрывный старческий кашель и чьи-то тяжелые шаркающие шаги.

Кирилл быстро обернулся. Перед ним стоял мужчина весьма странной наружности и совершенно неопределенного возраста. По его щуплой угловатой фигуре и длинной, тонкой, как у ошипанного цыпленка, шее он мог сойти за сильно вытянувшегося подростка, однако обширная лысина на голове, седая, давно небритая щетина, сплошь покрывающая дряблые морщинистые щеки, и какие-то безжизненные, словно потухшие, глаза могли принадлежать лишь человеку весьма почтенного возраста.

Несмотря на довольно жаркое утро, незнакомец был одет в старый, сильно заношенный свитер и плотные брезентовые штаны, на ногах его болтались стоптанные кирзовы сапоги. Он подошел почти вплотную к Кириллу и, с трудом откашлявшись, просипел прямо ему в лицо:

- Видать, приезжий?
 - Да...– однозначно ответил Кирилл, растерявшись от столь неожиданной встречи.
 - А закурить у тебя, случаем, не найдется, гражданин приезжий?
 - С удовольствием бы. Но я, знаете, не курю...
 - Ладно и так,– легко согласился незнакомец.– А ты что же, отдохнуть здесь, у нас, собрался?
 - В общем, да. Вы же, можно сказать, в раю живете.
 - В раю, говоришь? Это точно. В самом, что ни на есть, раю! А я, стало быть, здешний ангел-небожитель,– он зло рассмеялся и снова зашелся кашлем.– Что, не похож? А ты присмотришь получше. Я ведь ровесник тебе, и если бы не здешняя райская жизнь... Ну да ты, кроме этих вот прибрежных «райских кущ», еще ничего не видел. А если бы занесла тебя нелегкая за перевал...
 - Что же там, за перевалом?
 - За перевалом-то что? Зона! Слышал ты о такой райской обители? Кругом – проволока, вышки, а внутри – карьер и душегубка, что обогатительной фабрикой зовется. Ну а на фабрике – такие вот, как я. Зэки, одним словом.
 - Так вы, значит...
 - Нет, не бойся. Теперь я свободный гражданин. Она ведь, эта райская обитель, тем и хороша, что из нее до срока освобождают. Тех, кто не загнется раньше времени. Правда, не загнуться там... Ну да я вот выжил. Если можно, конечно, назвать меня живым человеком. Выжил, и теперь– свободен, как птица. Ты видел когда-нибудь на дороге птицу, раздавленную машиной? Вот такая птица и я. Свободен и...– он снова закашлялся и тяжело опустился на успевшую прогреться гальку.
- Кирилл присел рядом:
- Вы имеете в виду непосильный труд и систематическое недоедание там, в зоне?
 - Ну что ты! Совсем наоборот. В этой обители зэки работают меньше, чем где-либо. И жрать дают от пуз.
 - Так что же?
 - Атом! Атом, язви его в корень! Слышал ты о такой пакости?
 - Вы хотите сказать, что в этой «зоне» добывается и перерабатывается радиоактивное сырье?
 - Ну, что там добывают и перерабатывают, одно начальство знает. Наше дело – тачку возить и лопатой орудовать. Одно могу сказать, кто бы там ни был и что бы ни делал, конец один. И все называют это «атом». Вот полюбуйся, что он сделал со мной, этот атом.
 - Мужчина приподнял свитер, и Кирилл едва заставил себя не отшатнуться при виде страшных язв, покрывающих тело незнакомца.
 - Да это бы полбеды, – продолжал он,– хуже, что я совсем уж не мужик. Да и не человек, а так... чучело на двух ногах. А ведь и пяти лет не прошло, как я таким же вот здоровяком, как ты, по глупому делу попался. Подрались мы с пьяных глаз с ребятами с соседнего поселка. Не помню уж из-за чего и подрались. Бывало такое не раз. Дрались и сильнее. А тут вмешался в Драку участковый. И чего он сунулся? Без него бы подрались да и помирились. Дело житейское. А ему надо стало порядок наводить. Ну и звезданул ему кто-то. Случайно, видно, звезданул. Зачем нам было увечить человека. Я и не заметил, кто его угостил. А наутро узнаем, отдал концы участковый. Ну и закрутилось дело. Меня и еще троих ребят признали заслуженными, увезли в город. Потом – следствие, суд и – зона. А теперь вот и живу и не живу. Ни дома, ни семьи. Всякий только шарахается, как от прокаженного. А чем я виноват, чем?! Ну, дрались. Ну, прикончили человека ненароком. Так посади нас в обычную тюрьму. Пусть на десять, пусть на пятнадцать лет. Так

вышли бы все-таки людьми. А теперь... И кто придумал этот атом? И зачем он людям? Ты вот, похоже, грамотный человек. Объясни, за что я страдаю?

Кирилл долго молчал, застигнутый врасплох этим страшным откровением. Потом медленно заговорил:

– К сожалению, вы не единственный человек, кто вправе задать такой вопрос. Требовать ответа за искалеченные судьбы могут сейчас не сотни, даже не тысячи, а миллионы несчастных из Белоруссии, с Украины, Урала и других мест, подвергшихся радиоактивному заражению. Но ответить им... Конечно, я мог бы сказать вам о неизбежных издержках научно-технического прогресса, о якобы навязанной нам гонке ядерных вооружений, об энергетическом кризисе, нависшем над человечеством. Но я этого не скажу. Не скажу потому, что говорить об этом людям, подобным вам, не только не порядочно, но по меньшей мере цинично. А главное, потому, что все это бессовестная ложь. Успехи в практической ядерной физике до сих пор не принесли людям ничего, кроме страданий. Гонку ядерных вооружений нельзя объяснить ничем, кроме политических амбиций наших вождей, поскольку никто никогда нападать на нас не собирался. Что же касается энергетического кризиса, то энергии, вырабатываемой сейчас, в избытке хватило бы на удовлетворение насущных человеческих нужд. А тратится она в основном на ту же гонку вооружений да на создание никому ненужной техники, которая, в свою очередь, используется, чтобы создавать новую никому ненужную технику, и так без конца. Я уже не говорю, что абсолютно ничто не стоит здоровья и жизни человека. А что будет дальше? Боюсь, что если эти тенденции сохранятся еще хотя бы несколько десятилетий, то человечество реально встанет перед угрозой неминуемой гибели. Я понимаю, что мои слова мало вас утешат. Но что я мог ответить еще? И что бы мог посоветовать вам сделать?

– Как что? Мстить!

– Мстить – кому?

– Я знаю, кому. Знаю! И после всего, что услышал от тебя, окончательно понял: мстить – вот единственное, что мне осталось в жизни. Кстати, а ты кто? В смысле, кем работаешь?

– Я преподаю физику.

– Физику? Так-так... А ведь ты сможешь мне помочь. Ты говоришь, ты физик? И, стало быть, знаешь, как изготовить какую-нибудь взрывчатку. Вот и скажи мне, как это сделать?

– Взрывчатку?

– Ну да. Что ты так удивился?

– Да зачем тебе взрывчатка?

– Скажу и это. Никому другому не сказал бы, тебе скажу, Я должен непременно отомстить за все, что со мной сделали. Я должен взорвать эту дьявольскую фабрику, чтобы и духу от нее не осталось.

– Взорвать фабрику? При всей охране, какой она наверняка напичкана?

– Охрана есть, это точно, но она только снаружи. Внутри зэки расконвоированы. А проникнуть внутрь... Нет ничего проще. Я знаю, куда выходит канализационный сток. Там, правда, решетка. Но снаружи ее можно открыть, я пробовал. На фабрике же я знаю все ходы и выходы. Знаю и где взрывчатку заложить, чтобы вернее ухнуло. Словом, я все продумал. Но вот взрывчатка... Где ее добыть? Говорят, можно купить на барыге. Но за какие шиши? Работать я не могу, воровать не умею. Говорят также, можно сделать ее самому. Вот ты и подскажи мне, как это, из чего?

– Нет, этого я тебе не скажу. И не потому, что не знаю. Если бы и знал, не сказал.

– Почему?

– Потому, во-первых, что этим ты не отомстишь тем, кто действительно исковеркал твою жизнь. А главное, потому, что не могу подвергнуть гибели невинных людей.

– Нет, ты не понял меня. Я все сделаю ночью, когда на фабрике никого не будет.

– На фабрике, может быть. Но ты представляешь, что произойдет в результате взрыва такого объекта? В воздух поднимется туча радиоактивной пыли, она разнесется на

десятки, а то и сотни километров. И тысячи людей будут обречены на мучительную гибель. О них ты подумал?

— А они обо мне думают? Они меня жалеют? Ты вот хоть говоришь со мной. А другие и близко не подходят, говорят, у меня внутри сидит этот проклятый атом и я сам могу любого погубить. — А ведь я... Да что я — сам всадил в себя эту мерзость! Ладно, не хочешь помочь, не надо! А только я от своей задумки не отступлюсь. Эх-х, никто меня не понимает! — лицо несчастного исказилось, как от лютой боли, он скрипнул зубами, а по худой небритой щеке его поползла мутная слеза.

Острая жалость током пронзила Кирилла. Он непроизвольно тронул бывшего зэка за плечо:

— Ну, зачем так?.. Я понимаю, тебе нелегко. Но посуди сам...

— Уйди! Где тебе понять! И всем вам, здоровеньким и сытеньким! Вам только жить да радоваться, а мне... — Он круто повернулся и медленно, тяжело ступая, пошел обратно к поселку...

— Послушай, а как звать-то тебя? — попытался остановить его Кирилл.

— Как звать-то? Афоня, — ответил он, не сбавляя хода.

— Афоня... Значит, Афанасий. А отчество? Он горько усмехнулся:

— Был Афанасий, было и отчество. А остался Афоня, Афоня Болдин. Ну, бывай!

4

Прошло несколько дней, погожих, солнечных, и жизнь Кирилла в Прибрежном вошла в размеренную, ставшую привычной колею. Поднявшись рано поутру, он шел к морю, купался, делал зарядку, загорал, затем, позавтракав, два-три часа работал над диссертацией, перед обедом снова купался, а после обеда шел с книжкой или газетой в небольшую беседку, в глубине сада, где можно было полежать в уютном гамачке, поесть черешни и даже вздремнуть под монотонное жужжание пчел. Потом он снова шел к морю, снова работал. И лишь поздним вечером, когда на землю опускалась сажисто-черная ночь, опять выходил в сад, где ему нравилось посидеть на высоком крылечке хаты, глядя на большие яркие звезды и слушая стрекот цикад и шум прибоя.

Иногда теплый ночной ветер доносил до него обрывки песен и взрывы громкого девичьего смеха. То веселилась на верхнем конце улицы молодежь Прибрежного. Но это не трогало Кирилла. Он знал, что в собравшейся у ключа компании не было той, кто уже много дней занимала все его мысли.

С той памятной минуты, когда он случайно увидел ее, идущей на пляж, он не встретил свою соседку ни разу, как ни старался выглядывать в окно и поджидать ее на берегу моря. Таинственная смуглянка словно исчезла из поселка, хотя мотоцикл Полипчуков изо дня в день в одно и то же время тарахтел у ворот «концлагеря», и за стенами его частенько слышались то радостное повизгивание, то недовольный лай шотландской овчарки.

Так было и сегодня. Не успел Кирилл справиться с завтраком, как под окнами послышался треск мотоцикла, а чуть позже нетерпеливое повизгивание собаки. Он сел было, как обычно, за работу. Но уже через полчаса солнце закрыла болтая туча, в хате стало непривычно темно, работа что-то не заладилась, и он решил побродить по лесу.

Скоро знакомая тропинка привела его в сосновую рощу. Лес здесь был густым, но чистым, без обычного подлеска, и Кирилл, сойдя с тропинки, пошел прямиком в гору. Вспомнился почему-то Сергей, последний разговор с ним. Что принесут им раскопки «невероятно высокой цивилизации»? Возможна ли такая вообще? А впрочем...

Вдруг меж стволов забрезжил просвет, показалась небольшая уютная полянка. Кирилл шагнул было к ней, но тут же круто остановился: прямо перед его глазами, в каких-нибудь пяти-шести метрах впереди возникла грозно оскаленная пасть, послышалось глухое урчанье. Он попятился. Но огромная шотландская овчарка двинулась прямо на него, шерсть у нее на холке встала дыбом. Кирилл в растерянности метнулся в сторону, в другую. Но в это время раздался властный женский голос:

– Дэзи, ко мне!

Собака еще раз рыкнула, но тут же повернулась и послушно пошла в глубь поляны. Тут только Кирилл заметил, что там, на сухой поваленной лесине, сидит его пропавшая соседка. Вот так сюрприз! Он попытался ретироваться. Но она уже заметила его, поспешно поднялась и, закрыв книгу, лежавшую на коленях, шагнула ему навстречу:

– Простите, пожалуйста. Дэзи, кажется, очень напугала вас.

– Нет, не очень... А в общем, конечно...

Она оглядела его с ног до головы:

– Вы, кажется, мой сосед?

– Да, я снял комнату у Елизаветы Александровны.

– Вы москвич?

– Нет, я из маленького провинциального городка Верхнегорска.

– Преподаватель?

– Да... Как вы догадались? Я действительно преподаю физику в педучилище.

– Так вы физик?! – воскликнула она с явным интересом.

– Да, в некотором роде... Во всяком случае, это моя любимая наука.

– Чем же вас привлек наш Прибрежный?

– Как вам сказать... Я даже не собирался сюда. Но мой приятель, вы, наверное, знаете его... Сергей Пугов. Он уже два года отдыхал здесь, у Елизаветы Александровны... Он и уговорил меня поехать с ним, а сам... В общем, уехал на какие-то раскопки, а я, как видите...

– Уехал на раскопки? Он что, археолог?

– Нет, он историк, преподаватель истории. Но раскопки не совсем обычные. Где-то на границе с Турцией археологи наткнулись, как предполагают, на остатки какой-то поразительно высоко развитой цивилизации, и сейчас весь ученый мир живет этой сенсацией.

– Я слышала об этом. Однако насколько это правдоподобно?

– Кто знает, раскопки покажут. Но в принципе... Вы знаете, наверное, сколько сенсационных, даже невероятных фактов всплыло при изучении памятников прошлого. И в области технологий, и в строительной технике, и в астрономических познаниях наших предков. Многие были склонны даже приписать это посещениям Земли какими-то инопланетянами. Но, может, инопланетяне здесь и ни при чем, а все это отголоски таких вот исчезнувших цивилизаций?

– Но отчего они исчезли, эти высокоразвитые цивилизации? Неужели и в те древние времена были атомные войны или что-то в этом, роде?

– Нет, это, пожалуй, исключено. Однако люди могли уничтожить себя, среду своего обитания и без всяких войн. В разное время мне пришлось побывать на некоторых рудниках Урала, в окрестностях Аральского моря, на лесоразработках Сибири. Картина страшная. Природа плачет кровавыми срезами. Да и у вас здесь, оказывается... Недавно я встретил одного вашего земляка Афоню Болдина. Вы знаете, наверное...

– Не надо об этом! Прошу вас! – Девушка нервно всплеснула руками. – Это ужасно. Ужасно! Пострашнее всего, что, по-видимому, пришлось повидать вам и на Урале и в Сибири. А впрочем, вы правы, все это вещи одного порядка.

– Конечно. И если люди не перестанут так безрассудно относиться к окружающей среде, так безответственно вторгаться в сокровеннейшие тайны природы, не говоря уже о полнейшем пренебрежении к своей собственной безопасности, то еще десятка два-три лет и... Не пришлось бы и нашей цивилизации исчезнуть с лица Земли. Вот над чем следовало бы задуматься ученым, да и тем, кто стоит у кормила власти. А эти раскопки древнейших цивилизаций... До них ли сейчас?

– Не знаю... Вопрос не простой. А что если... если в самом деле обратиться к прошлому? Вы, кажется, полагаете, что и у наших предков было нечто подобное?

– Я вполне допускаю это.

– Но в таком случае, раскопки, о которых вы отзвались с таким пренебрежением, не помогут ли они раскрыть людям глаза на надвигающуюся катастрофу?

– Раскопки в местах исчезнувших цивилизаций? – Кирилл не мог не подивиться остроте мышления своей собеседницы. – Вы считаете, что вскрыв истинные причины вызванных человеком экологических кризисов в древности, можно заставить современных людей более бережно относиться к природе?

– А вы не считаете так?

– Нет, почему же, это вы здорово заметили. Только...

Но в это время яркая молния ослепила глаза, страшный раскат грома раздался прямо у них над головой, лес зашумел под ударами налетевшего ветра, крупные капли дождя упали на землю. Тугой вихрь взметнул в воздух целую охапку сухой хвои, рванул с колен подол платья девушки. Та еле успела прижать его обеими руками.

– Ой, смотрите, что делается! – указала она на выползшую из-за горы темно-фиолетовую тучу. – Бежим скорее, вон хоть под то дерево!

– В грозу под дерево! Ни в коем случае! С молнией так не шутят. Останемся здесь.

– Но как же... Я не захватила даже зонта.

– Сейчас попробую что-нибудь соорудить. – Кирилл сбросил с плеч куртку и туто натянул ее на сучья поваленного дерева. – Встаньте сюда.

– Вы думаете, это поможет?

– Если я натянул, как следует, и под нужным углом.

Она покачала головой, но встала рядом с ним. Дэзи примостилась у них под ногами.

Ветер сразу стих. Но дождь полил как из ведра. Теперь они перебрасывались лишь отдельными словами и стояли так близко друг от друга, что Кирилл смог наконец рассмотреть свою собеседницу как нельзя лучше.

Одета она была более чем скромно, в легкое ситцевое платьице и простые светлые босоножки. На ней не было никаких украшений, не видно было ни малейших следов косметики. И только тщательно причесанные волосы да слабый, еле ощутимый запах дорогих французских духов выдавали то, что принято называть у женщин аристократическими наклонностями. Впрочем, какая-то естественно-утонченная, явно врожденная аристократичность была и в ее голосе, всех ее жестах, манере говорить и слушать. Не менее естественно и в то же время подчеркнуто аристократично было и то, как держалась она сейчас, стоя почти вплотную к Кириллу и не испытывая, по-видимому, ни малейшей неловкости или стеснения. Так держались, наверное, римские матроны по отношению к своим рабам.

«Откуда она взялась здесь, такая? Кем была по национальности, по происхождению?» – без конца вертелось в голове у Кирилла.

Говорила девушка по-русски, говорила чисто, без всякого акцента. И все же было в ней что-то необычное, неуловимо странное, такое, что вызывало представление о чем-то непривычном, ненашем, неземном. Необычным был овал ее лица, очертания шеи. Необычным казался цвет кожи: такой золотисто-шоколадный оттенок, каким отливали ее лицо и руки, не мог дать никакой загар. Но самым необычным были ее глаза. Не цветом и не формой, а тем, что они будто завораживали, и была в них какая-то бездонная глубина. И хотелось смотреть и смотреть в эту глубину, беспрерывно, вечно...

Однако дождь так же неожиданно прекратился, как и начался. Туча ушла к далекому горизонту. Выглянуло солнце. Лес снова наполнился птичьим гомоном.

Дэзи выскочила из-под укрытия и принялась торопливо отряхиваться от попавших на нее брызг. Вслед за ней вышла и ее хозяйка. Она поправила прическу, разгладила платье, осторожно переступила через несущийся сверху поток:

— А вы это здорово придумали: соорудить такой тент. Но теперь — домой. И быстро! Видите, какая туча снова показалась из-за горы. У нас всегда так: если начнет лить, то надолго.

Она поспешила, не оборачиваясь и не произнося ни слова, устремилась вниз по дороге и остановилась лишь поравнявшись с забором своей усадьбы. Остановился и Кирилл, лихорадочно соображая, о чем бы еще заговорить, чтобы хоть на несколько минут задержать возле себя очаровательную спутницу. Но в голову не приходило абсолютно ничего.

— Вот мы и пришли, — промяглил он наконец и тут же проклял себя за эту пустую никчемную фразу.

— Да. Всего доброго вам, — откликнулась она, направляясь к калитке. — И спасибо за то, что спасли нас с Дэзи от дождя.

— Ну, что там, спасибо... А я... Простите, я совсем забыл спросить, как вас зовут...

— Так же, как забыли назвать и свое имя.

— Я — Кирилл. Кирилл Градов. А вы?

— Можете называть меня, как все другие, — Ольгой.

— И потом... Мы с вами так и не договорили. Этот дождь... А вы совершенно верно заметили, что...

— Простите, мне пора, — остановила его Ольга. — Что же касается нашего разговора... Вы теперь знаете, где я провожу свои утренние часы. А Дэзи, наверное, больше не будет так нетерпима к вашему появлению.

Оба последующих дня были днями больших ожиданий. Но напрасно каждое утро, сразу после завтрака, Кирилл поднимался в сосновую рощу и чуть не до самого обеда мерил шагами пустую поляну. Ольга не пришла сюда ни завтра, ни послезавтра. И только на третий день, когда он потерял уже всякую надежду на встречу и пришел в рощу лишь потому, что не знал, куда себя деть от навалившейся тоски, на поляну вдруг выскочила рыжая Дэзи, а вслед за ней показалась и ее пропавшая хозяйка.

Кирилл поспешил ей навстречу, тщетно стараясь скрыть переполнвшую его радость. Но девушка даже не взглянула на него.

— Простите, Кирилл, я не могла прийти раньше, — проговорила она, не поднимая таз. — Вы, наверное, очень рассердились на меня?

— Нет, с какой стати. Но у меня было достаточно времени обдумать все, что вы сказали.

— И сопоставить с тем, что наговорила обо мне ваша хозяйка?

— Да, она много говорила о вас... Только я не совсем понял...

— Вернее, ничего не поняли. И не могли понять. Я сама еще много не понимаю. Но мне нужно понять. Нужно! И я хотела бы... — Она с минуту помолчала. — Для начала я хотела бы немного рассказать вам о себе. Давайте сядем вот сюда, на эту лесину.

Она помолчала, словно собираясь с мыслями, затем заговорила медленно и тихо, будто всматриваясь в далекое прошлое:

— Случилось так, что какое-то страшное, непонятное происшествие раскололо мою жизнь на две очень не равные и очень не одинаковые части. Одна — мое раннее детство, до появления здесь, в Прибрежном. Другая — продолжение детства и все, что было после него в семье Полипчуков.

Первую я помню очень смутно, точно обрывки неясного сна: в памяти всплывают то какие-то мрачные, сырье, плохо освещенные подземелья, то, наоборот, — большие, ослепительно сверкающие на солнце каменные сооружения, клубы раскаленной пыли, потрескавшаяся от нестерпимого зноя земля. И ни там, ни здесь — ни единой травинки, ни крохотного кустика. А главное — ни одного счастливого лица. Какая-то сплошная безысходность.

Вторую часть жизни я, напротив, помню очень хорошо. Вернее, могла бы помнить хорошо. Если бы было что вспоминать...

А вот переход от первой части ко второй... Я не знаю даже, как сказать вам... Это что-то совершенно необъяснимое, какая-то тайна, которая не дает мне покоя до сих пор. Я никак, сколько ни бьюсь, не могу вспомнить, чем закончилась моя жизнь в той мертвоте, агонизирующей пустыне, зато отлично, словно это было вчера, вижу день моего появления здесь.

Я проснулась в тот день в очень удобной постельке, под открытым небом. День был ясным, солнечным. В лицо дул теплый, влажный ветерок. Пахло морем и какими-то неведомыми цветами. Надо мной склонились лица отца и матери. И оба они улыбались счастливой, радостной улыбкой.

Скоро я поняла, что мы в лодке, точнее, не в лодке, а в большой, плывущей по морю ладье-катамаране, очень странной ладье. Представьте себе раскрытую раковину двустворки. И в одной из таких «створок» – мы, трое пассажиров, а в другой – какие-то шланги, приборы, механизмы.

Я приподнялась на своем ложе и увидела берег. Он был совсем рядом, зеленый, благоухающий, отороченный белой полосой песчаного пляжа. Не прошло и полчаса, как наша ладья причалила к берегу, и мы сошли на этот пляж.

Это были счастливейшие минуты в моей жизни. Помню, что всю меня просто-таки расpirала огромная беспринципная радость. Но почему-то очень кружилась голова. И трудно было стоять на ногах. Кажется, у мамы с папой было то же самое. Я видела, как они отошли немного в сторону и, присев на землю, о чем-то долго шептались, посматривая то на меня, то на небольшой поселок, смутно видневшийся сквозь чащу деревьев. Потом папа пошел по дороге в гору, а мама взяла меня на руки и снова перенесла в ладью.

Там мы сидели долго, видимо, ждали папу. Но он все не появлялся. А маме вдруг стало плохо. Я видела, как она борется со слабостью, стараясь не показать этого. Я тоже чувствовала себя неважно: по-прежнему сильно кружилась голова, к горлу подступала тошнота.

Между тем, наступил вечер, стало быстро темнеть. Тогда мы с мамой снова перебрались на берег и потихоньку пошли к поселку. Шли долго, потому что время от времени мама опускалась на землю и сразу не могла встать. Было уже совсем темно, когда мы подошли к маленькому белому дому и присели на крыльце перед закрытой дверью. Здесь у меня снова заболела голова и страшно захотелось спать. Я положила голову к маме на колени и уже сквозь сон услышала ее последние слова. Она сказала нечто вроде того, что ей надо еще раз побывать на берегу и что-то сделать в нашей ладье, так как иначе мы не сможем встретиться с папой. Но я уже почти не слышала ее, я спала.

Утром я проснулась на том же крыльце. Но что это было за пробуждение! Мамы не было. А вокруг меня собралась толпа мужчин, женщин, детей. Все они что-то громко говорили, спорили, показывали на меня пальцем, бесцеремонно рассматривали со всех сторон.

Потом кто-то взял меня за руку и ввел в дом. Здесь меня накормили, напоили, снова без конца задавали какие-то вопросы. Но я не могла понять ни слова. Я только плакала, звала маму, рвалась убежать, на берег, к нашей ладье. Однако меня не пускали, держали за руки, наконец заперли в какой-то чулан и оставили одну...

Так началась моя жизнь в доме Полипчуков. Страшно вспомнить, что это были за дни и ночи среди чужих людей. Правда, дядя Игнат и тетя Степанида ничем не обижали меня и делали, кажется, все возможное, чтобы скрасить мое сиротство. И тем не менее...

Ольга замолчала и долго смотрела куда-то вдаль, словно забыв о присутствии Кирилла. Он тоже молчал, боясь нарушить ход ее воспоминаний. Наконец сказал:

– Что же было дальше?

– Что дальше... Дальше была сплошная беспроблемная тоска. И еще надежда. Надежда, что когда-нибудь папа с мамой вернутся и заберут меня к себе. Только это и помогало мне жить. Но шли годы, а вместе с ними уходила и надежда. Теперь она ушла совсем.

– Где же вы жили? Откуда привезли вас сюда?

– Если бы я знала! Я рассказала вам все, что могла вспомнить.

– И, все-таки, подумайте еще. Там, где вы жили с отцом и с матерью, вам приходилось, конечно, смотреть и на ночное небо, и вы могли бы припомнить... Нет, не рисунок расположения звезд: это было бы слишком сложно для маленькой девочки. А хотя бы то, появилась или нет у вас луна?

Она грустно усмехнулась:

– Уж не хотите ли вы предположить, что мы прибыли совсем с другой планеты или с другой звезды?

– Я просто хочу помочь разгадать вашу тайну.

– Я понимаю... Нет, Кирилл, мы жили на Земле. Я отлично помню и луну, точно такую, какая всходит здесь, в Прибрежном, и даже ковш Большой Медведицы.

– А кем же был, на кого был похож ваш отец?

– Кем он был – я не знаю. Дети такого возраста, в каком была я, не задаются подобными вопросами. А на кого он был похож.... – Она чуть замялась.– Вы знаете, он был похож на вас...

– На меня?!

– Да. И не только внешне. Но и тем, как вы говорите, смотрите. Потому я так сразу и... Мне иной раз казалось, что вы вдруг улыбнетесь, как улыбался когда-то он, и заговорите на нашем языке...

– А вы помните ваш язык?

– Конечно! Разве можно забыть родную речь. Часто, когда я остаюсь одна, я говорю сама с собой на нашем языке. Только на нем и думаю, и мечтаю...

– И никогда не попытались выяснить, что это за язык?

– Ну как же! В последние два года, будучи уже студенткой, я специально занималась этим. Восстановила по памяти нашу азбуку: к счастью, меня в раннем детстве научили читать и писать. Составила несколько текстов. Съездила даже в Москву, в институт языкоznания. Но все тщетно. Нашего языка не знает никто.

– Удивительнейшая история! А у вас не осталось что-нибудь из старых привезенных с собой вещей?

– Вот об этом я и хотела с вами поговорить. Помнится, когда я проснулась в то утро, на крыльце Полипчуков, рядом со мной был небольшой, завернутый в простынку сверток. Женщины, окружившие меня, сразу развернули его: там оказалось кое-что из бельишка, теплая пуховая кофточка и что-то вроде толстенькой малоформатной книжки.

– Книжки? – насторожился Кирилл.

– Я не могу сейчас вспомнить точно. Скорее, что-то похожее на книгу. Во всяком случае, внутри нее были бумажные листы с рукописным текстом, как в самой обыкновенной книге. А вот, снаружи... Снаружи, вместо картонной или коленкоровой обложки, страницы прикрывались двумя массивными, красиво инкрустированными металлическими пластинками. В тот день я и не подумала поближе рассмотреть, что это были за пластины. До того ли было! А вот сейчас мне кажется, что это было золото с перламутром!

– Эге! – не мог не воскликнуть Кирилл.

– Да. И потому, красивая вещица сразу пошла по рукам, послышались ахи-охи, и не успела я, как говорится, глазом моргнуть, как «книги» и след простили.

– И больше вы не видели ее? Ольга вздохнула:

– Нет, не видела. Позже, став уже взрослой, я обыскала весь дом Полипчуков, обшарила все их тайники и тайнички, – безрезультатно.

– А их самих не пытались расспросить?

– Спрашивала, и не раз. Оба в один голос заявили, что видеть книгу видели, но куда она делась в суматохе того дня, знать не знают.

– И вы им верите?

- Какое это имеет значение. Вещь пропала.
- Ну, а от одежды, оставшейся в свертке, тоже ничего не осталось? Ведь при современных методах криминалистики...
- Нет, где там – через столько лет! – Значит, ничего, ничего...
- А вот этого я еще не сказала. В последнюю минуту, прежде чем уйти, мама набросила мне на шею цепочку с большим красивым медальоном. Помнится, в то страшное утро все почему-то хотели сорвать с меня и эту вещицу. Но я вцепилась в нее обеими ручонками, кричала, отбивалась головой, ногами, даже кусалась. Потом спрятала ее. И с тех пор медальон не видел, кроме меня, никто.
- Она перевела дыхание, быстро взглянула на Кирилла:
- Так вот, мне кажется, это вещица может помочь проникнуть в мою тайну, только... В общем, я не могу медальон раскрыть. Для этого надо знать какой-то код, расшифровать какие-то знаки, нанесенные на его поверхности. Кажется, что-то из атомной физики. Но для меня она темный лес. А обратиться к постороннему человеку... До сих пор это казалось мне абсолютно невозможным. Однако теперь, когда я узнала, что вы физик, и почувствовала, что могу довериться вам... Словом, я хочу просить вас взглянуть на эту вещицу.
- Что же, давайте посмотрим. Медальон при вас?
- Нет, что вы! Я прячу и перепрятываю его в самых разных местах. Особенно в последние годы, когда поняла, что может значить прощальный подарок мамы. В последний раз я закопала его далеко в лесу, на берегу небольшого озерца. И если вы согласитесь, завтра мы смогли бы пойти туда.
- О чём говорить! В любое удобное для вас время.

– Вот оно, мое любимое озерцо! – сказала Ольга, стараясь унять дыхание и стирая пот с лица. Кирилл сбросил с плеч рюкзак, спустился к самой воде, освежил лицо и руки.

Озеро было невелико, не больше двух-трех десятков метров в поперечнике и имело форму почти правильного овала. На берегу его, густо поросшем самшитом, высилось несколько старых-престарых платанов. Вода отливала чистейшей бирюзой.

С одной стороны к озеру примыкала горная тропа, которая привела их сюда и уходила дальше вверх, к самому перевалу. На другой стороне возвышалась небольшая полуразрушенная часовня, прямо из-под основания которой вырывался мощный подземный водоток.

– Да, красотища! – не мог удержать возгласа восторга Кирилл. – Как вам посчастливилось откопать такую прелесть?

– Как вам сказать... – словно очнулась Ольга. – Года три назад я загорелась мыслью отыскать следы отца, прошла по всем здешним тропам и случайно наткнулась на этот уголок. С тех пор я бываю здесь раза два-три в месяц. Сижу, смотрю на часовенку, вспоминаю отца. Ведь именно сюда, в эту сторону, он ушел в тот первый день.

– И не страшно одной?

– С Дэзи не страшно.

– Ну, а следы? – напомнил Кирилл. – Встретилось вам что-нибудь?

– Нет, конечно. Впрочем, эта вот часовня... Мне почему-то кажется, что я наткнулась на нее не случайно. Мне трудно объяснить... Но я думаю, что есть какая-то связь между ней и всем, что произошло с моими близкими и мною. Вот почему меня тянет сюда. Здесь я решила спрятать и самую дорогую для меня вещь. Сейчас вы ее увидите.

Ольга вынула из рюкзака садовый совок, подошла к одному из платанов и, сдвинув в сторону лежавший там камень, начала осторожно раскапывать оставшийся от него след в земле. Через минуту в руках у нее была небольшая пластмассовая коробочка.

Она вернулась к Кириллу:

– Теперь расстелите ваш плащ и приготовьтесь поработать головой.

Он выбрал в тени платана место поровнее, опустился на плащ. Ольга присела рядом.

– Вот, смотрите. – Она извлекла из коробки небольшой сверток и, развернув его, положила на ладонь Кирилла изящное платиновое изделие, выполненное в форме дубового листа, на гладкой поверхности которого было действительно выгравировано нечто похожее на модель атома; вокруг точки, лежащей в центре, располагалось несколько замкнутых кривых: две первые имели вид концентрических окружностей, на каждой из которых были хорошо видны по две симметрично расположенных точки, затем следовал эллипс с шестью точками, затем снова окружность с двумя точками и наконец второй эллипс так же с шестью точками. Можно было не сомневаться, что это отлично выполненная модель аргона.

– Все ясно, Оля! – поспешил обрадовать свою спутницу Кирилл. – Это электронная схема благородного газа аргона.

– Аргона?! – удивилась Ольга. – Но почему аргона?

– Пока не знаю. Надо подумать... А эти кривые линии вокруг рисунка?

– Это не просто линии, это какие-то шкалы с делениями. Видите?

– Да-да. И вдоль них...

– Вдоль них идут тончайшие прорези, в которых движутся крохотные рычажки.

– Так-так... Кажется, я начинаю кое-что понимать... Шкалы с делениями и движущиеся вдоль них движки, которые можно ставить на то или иное деление... Значит, если движки на всех четырех шкалах встанут в нужное положение, то...

– То крышка медальона откроется?

– По-видимому, так. Иначе к чему весь огород городить. Но что за нужные положения? Это и должен подсказать центральный рисунок. Здесь изображена электронная модель аргона. Значит, и положения движков на шкалах должны соответствовать каким-то

атомным константам именно этого элемента. Теперь – каким константам? Это нам подскажет количество делений на каждой из шкал. Давайте-ка посчитаем их.

– Я уже считала. И не раз. В этой вот, самой короткой – девяноста два деления.

– Что вы говорите? Девяноста два? Отлично!

– Эта цифра вам о чем-то говорит?

– Конечно! Девяноста два! Это же порядковый номер последнего элемента периодической системы. А наш аргон стоит на восемнадцатом месте. Значит, движок на этой шкале надо поставить на восемнадцатое деление. Ставьте, Оля. Ваши пальчики для этого больше приспособлены.

Ольга поставила рычажок в нужное положение.

– Так, – кивнул головой Кирилл. – Займемся второй шкалой. Сколько делений в ней?

– Двести тридцать восемь.

– Двести тридцать восемь... Двести тридцать восемь... Ну, ясно! Двести тридцать восемь – максимальный атомный вес, атомный вес урана. А у нашего аргона?

– Кажется, тридцать шесть, – Ольга поставила движок на нужное деление, но не успела отвести палец, как оба рычажка сдвинулись в нулевые положения.

– Прекрасно! – невольно рассмеялся Кирилл.

– Что прекрасно? – растерянно взглянула на него Ольга.

– А то, что ваш медальон, кроме всего прочего, прекрасный экзаменатор. Атомный вес аргона не тридцать шесть, а сорок. Давайте-ка все сначала.

– Та-ак, – снова склонилась над шкалами Ольга. – Первый рычажок на восемнадцать, второй на сорок. Верно! Теперь они оба стоят на месте.

– Так и должно быть. Займемся шкалами, лежащими слева. Сколько делений в первой из них?

– Двести семьдесят четыре.

– Двести семьдесят четыре... – Кирилл задумался. – Двести семьдесят четыре... Что же это за атомная константа, максимальное значение которой равнялось бы такой величине? Нет, не вспомню. А эта, последняя шкала?

– В ней двести сорок пять делений.

– И эта цифра ничего мне не говорит. – Кирилл встал и несколько раз прошелся вдоль берега. – Нет, решительно ничего не могу припомнить! Вот положение! Все так удачно началось, а кончилось... Если б угадать значение хоть одной из этих шкал...

– Что бы тогда?

– Тогда положение движка на последней мы смогли бы найти просто передвигая его с деления на деление.

– А если сделать это на обеих шкалах?

– Ничего не выйдет. И дело не только в том, что нам пришлось бы испробовать двести семьдесят четыре на двести сорок пять – шестьдесят семь тысяч сто тридцать положений. Это куда бы ни шло. Главная беда в том, что при каждом неверном ходе, как мы теперь знаем, все рычажки будут возвращаться в нулевые положения. А начинать более шестидесяти семи тысяч раз все сначала...

– Что же делать? – сказала Ольга упавшим голосом.

– Выход один: ехать мне в город и перерыть там в какой-нибудь библиотеке все физические справочники.

– Ехать в Чернореченск? Но ведь это займет целый день, если не больше. Я не могу позволить чтобы ради меня...

– Ну, это не только ради вас. Меня самого заинтересовала тайна медальона. К тому же мне надо побывать в городе. Я просил адресовать письма именно туда, на главпочтamt, до востребования

– Это другое дело. Тем более, если письма от жены или невесты...

– Нет, письма могут быть только от матери. Ни женой, ни невестой я еще не обзавелся.

– Что так?

Кирилл пожал плечами:

– Не знаю...

– Неужели у вас никогда не было любимой девушки?

– Была. Да вышла замуж. За другого.

– Как же вы допустили это? |

– Что значит – допустил? Я был предан ей всей душой. А она... В общем, заявила, что ей не нравятся такие. Так и сказала: не нужен мне такой бука...

– Что-что? – рассмеялась Ольга. – «Такой бука»? Так она и сказала? А ведь вы, в самом деле... бука. Да не обижайтесь, не обижайтесь на меня. И уберите со лба свои сердитки. Мне как раз нравятся буки. Таким же буки, если хотите знать, был мой отец, я уже говорила вам. И вот что, Бука давайте-ка обедать!

Она спрятала медальон и, разостлав на земле салфетку, принялась выгружать из рюкзака приготовленную ею снедь. Чего тут только не было! Огурцы, и помидоры, и колбаса, и сыр, и маленькие подрумяненные пирожки, и термос с горячим кофе. Недаром так намял ему плечи рюкзак.

– Но прежде накормим Дэзи, – продолжала Ольга, извлекая увесистый пакет с мясом. – Нет-нет, Дэзи, ты будешь обедать вот здесь, у этого куста, не будем мешать друг другу. А вы, Кирилл, мойте руки и выбирайте, что вам по душе. Все овощи абсолютно свежие, прямо с грядки. А пирожки я пекла сама.

Она занялась с собакой, а Кирилл начал снова перебирать в голове все известные ему константы атомной физики. Да разве удержишь в памяти такую уйму цифр!

– Почему вы не едите? – сказала Ольга, возвращаясь несколько минут спустя к «столу».

– Я жду вас.

– Ждете меня? Зачем? Ах да, вы же бука! – снова рассмеялась она. – Ну давайте, я поухаживаю за вами.

– Нет уж, предоставьте это мне, – не мог не ответить улыбкой Кирилл. Он вынул нож и принялся нарезать хлеб, не переставая удивляться столь резкой перемене, произшедшей с его спутницей.

Куда девалась вся ее холодность и высокомерие! В течение всего обеда она не переставала шутить, сыпать остротами, со смехом вспоминать забавные истории, каких не мало случалось меж ее приемными родителями и меткой на язык теткой Лизаветой. Давно у Кирилла не было так легко и празднично на душе, как в этот полуденный час под сенью старого могучего платана.

Но вдруг будто невидимое облачко набежало на глаза Ольги. Взгляд ее был обращен в сторону часовни. Всю ее только что накрыла тень близ стоящего дерева, и теперь, строгая, внезапно потемневшая, она, видимо, вновь вернула девушку к ее грустным воспоминаниям.

– Скажите, а кто ваши родители, Кирилл? – спросила она, не отводя глаз от древней святыни.

– Мать работала в библиотеке, сейчас на пенсии и очень больна. А отец умер. Давно, когда я был еще совсем маленьким. Он был много старше матери, женат на ней вторым браком. Так что, вся жизнь моя прошла вдвоем с мамой.

– А первый брак отца не оставил вам сестры или брата?

– Был брат...

– Что значит – был?

– Я никогда его не видел. В свое время отец не считал нужным познакомить нас. А после смерти папы мы потеряли всякую связь с прежней его семьей. И лишь стороной узнали, что единственный сын их пропал при каких-то странных невыясненных обстоятельствах лет пятнадцать назад здесь, на Кавказе.

– Здесь, на Кавказе?! И вы не знаете точно, где?

– Не знаю. У нас с мамой не принято было говорить на эту тему.

- А вы... Вам тоже довелось, как я поняла, немало путешествовать?
- Мне пришлось несколько раз выезжать на заработки. Иначе я не смог бы закончить университет. Так вот, просто отдохнуть, я выбрался в первый раз.
- И то с работой?
- Надо закончить диссертацию. Без нее мне, сами понимаете...
- А я еще отвлекаю вас своими заботами. Извините меня. И пойдемте, пора в обратный путь.
- Да нет, я не тороплюсь, – сказал Кирилл. – И если вы не возражаете, хотел бы пройти на ту сторону озера, поближе взглянуть на эту часовню.
- Правда? Вы словно прочли мои мысли. Я тоже хочу подойти к ней. С некоторых пор это стало для меня своего рода ритуалом. Дэзи, к вещам! – скомандовала она, чуть повысив голос.

Умная собака тотчас легла возле рюкзака. А Ольга, кивнув Кириллу, пошла в обход озера. Выйти на его противоположный берег не составило ни малейшего труда. Берег этот оказался совсем иным, сырым и каменистым. Сильно искривленные кусты самшита росли здесь лишь редкими куртинами. А ближе к часовне не было даже травы. Не было заметно тут и никакой тропинки или иных следов пребывания человека. Видно, люди давно забыли дорогу к кем-то воздвигнутому капищу, и мало кто приходил сюда в последние годы, а может, и десятилетия, поклониться древней святыне. Это темное мрачное сооружение стояло на голой, слегка обколотой глыбе известняка, едва прикрытоего космами мха и лишайника, и подойти к нему можно было только сзади, потому что прямо перед ним образовалась глубокая промоина, на дне которой, шипя и пенясь, вырывался из-под земли мощный водный поток. Сама часовня была сложена из дикого камня и в верхней части, где чернела глубокая ниша, сильно обвалилась, обнажив основание грубо выкованного проржавевшего креста.

Кирилл взобрался на скользкую глыбу, чтобы заглянуть в темневшую нишу, и вдруг увидел на нижнем обводе ее несколько отчетливых свеженацарапанных знаков. Знаки эти слегка напоминали буквы готического шрифта, но каждый из них сопровождался одной или несколькими точками, нанесенными над верхней кромкой знака. Ничего подобного Кирилл не видел нигде и никогда.

- Оля! – окликнул он свою спутницу. – А вы обратили внимание на эту странную надпись, вот здесь, под нишей?
- Какую надпись? Я ничего не видела.
- А вот, взгляните, – он помог девушке вскарабкаться на глыбу и, придерживая за руку, показал на непонятные знаки.

Она обошла часовню кругом, склонилась над нишей, чтобы лучше увидеть, что было нацарапано на камне. И вдруг вскрикнула, пошатнулась, лицо ее побледнело. Кирилл попытался поддержать ее за плечи, но тут же почувствовал, как все тело девушки обмякло и начало клониться к земле.

Он подхватил ее на руки, перенес на более высокое, более сухое место, обрызгал водой лицо и грудь.

Глаза девушки раскрылись.

- Оля! Что с вами? Оля! – нагнулся над ней Кирилл.
- Нет, ничего. Уже ничего. Но вы знаете... Знаете, что это за надпись? Она сделана на нашем языке.
- Не может быть!
- Да, это так, Кирилл. Но это еще не все. Там, на камне, написано мое имя...
- Невероятно! Так и написано: «Ольга»?
- Нет, Ольгой меня назвали Полипчуки. Мое настоящее имя – Огги.
- Огги... – медленно, словно вслушиваясь в непривычно звучащее слово, повторил Кирилл. – Но что это может значить, Огги?

– Не знаю... Единственное, что я чувствую, это то, что недаром меня всегда тянуло к этому месту, этому озеру, этой часовне...

8

Ему пришлось обегать весь город, просмотреть все каталоги в пяти или шести библиотеках, прежде чем в читальном зале машиностроительного ПТУ удалось напасть на более или менее подробный справочник по атомной физике.

Кирилл начал лихорадочно листать страницы:

– Посмотрим таблицу атомных радиусов: кислород – ноль целых сорок одна сотая ангстрема, аргон – одна целая девяносто две сотых, цезий – две целых семьдесят четыре сотых... Стоп! А почему не двести семьдесят четыре? Почему люди, изготовившие медальон, должны были пользоваться обязательно ангстремами, а не какими-то единицами в сто раз меньшими, как бы они их ни называли? Прекрасно! Значит, движок на третьей шкале должен встать на отметку сто девяносто два.

Кирилл занес эту цифру в записную книжку.

– Теперь дальше. Таблица... Таблица... Таблица потенциалов ионизации первого электрона: максимальное значение здесь у гелия – двадцать четыре целых пять десятых электронвольт... О, черт! Да это и есть нужное нам двести сорок пять! Значит, для аргона следует взять цифру сто пятьдесят семь.. Уф-ф! Кажется, все в порядке...

Он взглянул на часы:

– Половина шестого! Скоро, наверное, и почта закроется... А у меня с утра во рту – ни маковой росинки. Но главное сейчас – письма! Скажите, – обратился он к дежурному библиотекарю, – далеко от вас главпочтamt?

– Главпочтamt? Рядом: направо, за углом, – девушка-библиотекарь подняла голову от журнала и снова, уже в который раз, с явным интересом посмотрела на Кирилла. – Скажите, а вы не из Прибрежного?

– Да, оттуда, – коротко бросил он, торопливо расставляя взятые справочники по местам. – Спасибо вам за книги. Вы меня очень выручили.

– И вы не узнаете меня? – продолжала девушка с заметным волнением в голосе.

Он взглянул на свою собеседницу. Маленькая курносенькая блондинка не вызывала в памяти ровным счетом никаких эмоций. Да и не было ни времени, ни желания вступать с ней в разговор.

– Нет, не узнаю. Я вижу вас впервые, – сухо ответил он и, собрав свои записи, направился к выходу.

– Как впервые?! – остановила она его. – Я же вас... А может быть, и впервые. Вы ведь в то время так и не пришли в сознание.

– Где, когда я был без сознания? О чем вы говорите? – начал сердиться Кирилл.

– Да это же я, вернее, мы с дядей, сбили вас мотоциклом по дороге из Прибрежного на перевал. Хотя, честное слово, вины нашей...

– Вы что-то путаете, девушка. Никто никогда меня не сбивал.

– Ну да! Будто я вас не узнала! Ведь я вам кровь свою в тот день отдала. Чуть не целый литр перекачали. А вы и не изменились совсем с тех пор. Хоть столько лет прошло...

– Да повторяю вам, вы что-то путаете! Не было со мной ничего подобного. Ни здесь, ни в каком другом месте! – поспешил закончить этот странный разговор Кирилл.

– Ну как же... А если не вы, то, может, брат ваш... Уж очень вы похожи на того, из Прибрежного...

– Брат мой... Постойте, а когда это было?

– Да лет пятнадцать-семнадцать прошло с тех пор. А до сих пор, как вспомню... Ведь так никто из родственников и не объявился у вас... То есть с того, с кем это случилось, если действительно это были не вы. Хотя, честное слово, не могу поверить...

– Нет, это был не я, но... Вы говорите, это произошло пятнадцать лет назад? И личность потерпевшего так и не удалось установить?

– Да как же было ее установить? Никаких документов у несчастного не оказалось. А потом, когда сознание вернулось к нему, выяснилось, что он напрочь забыл и кто он и откуда. Даже говорить сердечному пришлось учиться заново. Потому-то, как увидела я вас...

Кирилл не знал, что и подумать. Неужели речь шла о его пропавшем брате?

– Вот что, девушка, расскажите-ка мне обо всем этом подробнее, – он вернулся к столу библиотекаря, сел рядом с ней.

– Ну, слушайте, – начала она, не спуская глаз с Кирилла. – Было это, как сейчас помню, в начале лета, что-нибудь в мае или в первых числах июня. Поехали мы с дядей к его родственникам за перевал. Я тогда еще девчонкой была, интересно казалось прокатиться на мотоцикле. Ну, проехали мы Прибрежный, начали в гору подниматься. Знаете, там тропа такая... И

– Мимо озера с часовней идет? И

– Вот-вот! Едем мы по этой тропе, видим, впереди человек. Дядя, как положено, посигналил. Человек оглянулся, значит, заметил нас. Дядя скорость сбавил, начал обгонять его, и тут... Мы уже почти поровнялись с ним, как вдруг сверху – таинство! если помните, в одном месте над самой тропой обрыв навис, так вот прямо с этого обрыва – змея. Ну, подумаешь, змея! Я вот их нисколечко не боюсь, честное слово. А человек тот, хоть и мужчина видно, испугался до смерти, рванулся от нее прямо под мотоцикл. Дядя, понятно, на тормоза! где там... Сбили человека. А кругом камни. Так он на них головой. Ну и – сотрясение мозга, как потом оказалось. Да еще руку поранил. Гляжу я: кровь у него из рукава хлещет, лицо белое, глаза закрыты. Ужас! Послушала я его сердце – стучит. Значит живой еще. А в сознание не приходит. Что делать! Дядя снял с себя рубашку, разорвал на куски перевязала я беднягу кое-как. Потом уложили несчастного в коляску – и обратно в город...

– В больницу?

– Ну да. Привезли его в больницу, рассказали все, как было. Врач и говорит: жить человек будет, но надо срочно сделать переливание крови. А от кого переливать? Я и минуты не колебалась. Надо так надо. И группа у меня оказалась подходящей. В общем, перелили ему мою кровь, полежала я там с полчасика, и мы уехали; надо было еще в милицию заявить...

– А дальше?

– Что дальше? На другой день уехали мы с матерью в Ставрополь погостить и вернулись только к концу лета. По приезде я узнала, что дядю судили, дали два года условно, а человека того из больницы выписали.

– Значит, все обошлось благополучно? Вылечили его?

– Вылечить-то вылечили, да, как сказала мне знакомая санитарка, потерял он всякую память: как ни бились с ним врачи, так и не вспомнил, кто он, откуда, есть у него где-нибудь родственники или один он на всем белом свете.

– Но как могли его выписать, такого? Куда он должен был пойти?

– Мир не без добрых людей. Сдружился он, сказывали, в больнице с одним старичком-пасечником, и тот увез его к себе в деревню. Вот и вся история. Я уж и забывать ее стала. А как увидела вас сегодня... Уж больно вы похожи на того, из Прибрежного, и лицом и статью, вот только годами могли бы быть постарше.

– Куда же увезли его? Кто этот пасечник?

– Кто знает? Лечился старик в больнице. Хороший, видно, человек.

– Не в этом дело. Как разыскать его? Как узнать, где теперь тот человек, которого вы сбили? Ведь это, похоже, действительно мой брат.

Рис. Л. Файзрахмановой

Девушка участливо вздохнула:

- Так я и знала. Только ничем не смогу вам помочь. Да, боюсь, и никто уж не поможет. Пасечник – человек не здешний. Приехал да уехал. Ни родственников, ни знакомых в нашем городе у него, говорят, не было.
- А если поинтересоваться записями в больнице?
- Какие записи! Разве могли они сохраниться за столько лет? Там, у них, и прошлогоднюю-то карточку никогда не сыщешь. Уж если и наводить справки, то только в Прибрежном, откуда шел ваш брат.
- А почему вы решили, что он шел именно оттуда?
- Больше неоткуда: тропа начинается в Прибрежном.
- Ну, это не аргумент. Да если брат и оказался почему-либо в Прибрежном, то лишь случайно. Он, как и я, не имел к поселку никакого отношения, поехал туристом к вам, на Кавказ, пятнадцать лет назад, и с тех пор мы не слышали о нем ничего.
- Тогда не знаю... Ведь столько лет... А вы на почту собирались?
- Да, если успею.
- Успеете, она до восьми вечера работает. Всего вам доброго. А если что узнаете о брате, не считите за труд забежать сюда или написать мне, прямо в библиотеку училища, Марии Григорьевой. Интересно, как он теперь...
- Хорошо, Мария. Обещаю вам это, – Кирилл поспешил кивнуть ей и смог наконец покинуть душное помещение маленькой читальни, а через несколько минут стоял уже на почте, у окошечка «до востребования».
- Та-ак, Градов... – протянула скучающая за стойкой девица. – Что же вы так долго не приходили, Градов? Вам целых два письма и телеграмма.
- Телеграмма?! – Кирилл поспешил развернуть стандартный бланк, впился глазами в печатный текст.

Телеграмма была из училища. В ней предлагалось старшему преподавателю Градову Кириллу Павловичу прервать свой отпуск и срочно возвратиться в училище, ввиду того, что он включен в состав приемной комиссии.

- Как, уехать сейчас из Прибрежного?! Бросить все, что стало таким привычным, таким интригующе загадочным и интересным?! Нет, больше того... – Кирилл почувствовал, что рушится что-то огромное. Сначала он даже не понял, что именно. И только минуту спустя до сознания дошло, что телеграмма отнимает самое дорогое, что когда-либо дарила ему жизнь.

Медленно, точно оглушенный, вышел он из здания почтамта и побрел в сторону автовокзала, где можно было найти случайную машину, идущую по дороге в Прибрежный. Но – беда одна не ходит – никаких машин на вокзале уже не было, ни одного свободного места в комнатах отдыха не оказалось, ни один магазин или столовая поблизости не работали. Вконец расстроенный, голодный, измученный целодневной беготней по городу, Кирилл поднялся в зал ожидания и, отыскав свободное место на одном из жестких деревянных диванов, вскрыл полученные письма.

9

- Ну как, нашли что-нибудь? – сразу спросил Огги, когда на следующий день они встретились в сосновой роще.
- Кажется, кое-что нашел, – ответил Кирилл.
- Да? Замечательно! Рассказывайте скорее! Но вы чем-то расстроены? Плохие вести из дома?
- Нет, дома все в порядке. Очень неприятная телеграмма из училища.
- Что же в ней?
- Требуют прервать отпуск и вернуться на работу, в приемную комиссию.
- Как?.. И вы уедете? Совсем?
- Придется уехать...

Она сорвала травинку, нервно обмотала ее вокруг пальца:

- А я думала, что мы с вами...
- Да вы не расстраивайтесь. Я надеюсь, мы еще до отъезда разгадаем тайну вашего медальона. В конце концов, два-три дня...
- Не в этом дело... Ну да что говорить... Так что же вы узнали?
- Я не буду объяснять всех подробностей. Да это и не так уж интересно. Скажу лишь, что на третьей шкале движок должен встать, по-видимому, на деление – сто девяносто два, а на четвертой – на сто пятьдесят семь.
- Давайте попробуем.— Огги достала медальон и, примостившись на своей любимой лесине, принялась отсчитывать деления.— Так... На первой шкале – восемнадцать, на второй – сорок, на третьей...
- Сто девяносто два,— подсказал Кирилл.
- ‘— Так... Сто... Сто девяносто...— отсчитывала вслух Огги.— Сто девяносто один... Сто девяносто два! Верно! Стоит движок, не соскальзывает!
- Отлично! Давайте дальше. На четвертой ставьте на сто пятьдесят семь.— Кирилл почувствовал, что волнуется.
- Хорошо.— Огги начала торопливо отсчитывать деления. И вдруг – щелчок! Верхняя крышка медальона откинулась, как на пружине. Кирилл еле удержался, чтобы тут же не взглянуть на его содержимое. Но через минуту Огги сама поднесла медальон ему к глазам:
- У меня нет от вас секретов. Впрочем, здесь всего лишь фотография отца. И еще записочка. Видимо, от мамы. Да, от мамы.— Она передала медальон Кириллу и углубилась в чтение.

Он внимательно осмотрел скрывавшееся под крышкой углубление. Там действительно не было ничего, кроме фотографии совсем еще не старого мужчины, который, в самом деле, как и говорила Огги, удивительнейшим образом был похож на него, Кирилла. Фотография поражала исключительным мастерством. Но от центра к одному из углов по ней проходила тонкая серебристая полоска, сильно портившая все изображение.

Кирилл попробовал отвернуться от солнца, думая, что полоска возникла вследствие отражения от блестящей крышки медальона. Но она осталась, хотя и переменила положение на фото. Он повернулся в другую сторону, и снова полоска переместилась по снимку, но, как он заметил теперь, истинное направление ее оставалось одним и тем же, как бы не поворачивался медальон.

Между тем Огги прочла записку и несколько минут сидела неподвижно, глубоко задумавшись, нервно покусывая губы. Потом тихо произнесла:

- Хотите, я прочту, что написала мама?
 - Если это возможно...
 - Для ва с— да. Только дайте мне еще раз взглянуть на медальон.
- Она снова осмотрела его со всех сторон и со вздохом вернула Кириллу:
- Теперь слушайте, я переведу записку на русский язык.
- Кирилл сел рядом с ней, готовый услышать самые невероятные вещи.
- Дорогая дочка,— начала Огги сдавленным голосом, но тут же судорожно всхлипнула, стараясь подавить подступившие рыдания.

Кирилл легонько погладил ее по вздрагивающим плечам.

- Не надо, Кирилл, а то я совсем расплачусь. Вы слушайте, слушайте! «Дорогая дочка, — начала она снова, — прости, что я оставила тебя здесь, среди чужих людей. И быть может, навсегда. Но что мне оставалось делать? Папа наш не вернулся, значит, с ним что-то случилось; мы условились, что он возвратится ни в коем случае не позже, чем наступит темнота. А сама я чувствую, что жить мне осталось не больше нескольких часов, и могилой для меня может стать только наша ладья. Поэтому я ухожу туда, к ней. Но я верю, хочу верить, что эти чужие люди позаботятся о тебе. Ведь они тоже люди. А дальше... Может быть, тебя все-таки отыщет папа. До тех пор, пока медальон будет с

тобой, не теряй на это надежды. Если же этого не случится, то в будущем, когда ты подрастешь, попробуй разыскать его сама. Стрелка, которую ты обнаружишь в медальоне, будет все время указывать на местоположение второго такого же медальона, который остался у отца. Подробнее обо всем ты прочтешь в моем личном дневнике. Я оставлю тебе эту уникальную, подаренную мне отцом книжечку вместе с твоим бельцом и верю, что ты сохранишь ее. Да иначе ты и не сможешь открыть медальон, ведь код, который необходимо знать для этого, можно прочесть только там. Впрочем, зачем я это пишу. Раз ты держишь в руках мою записочку, значит, прочла уже и мой дневник и знаешь и о том, как мы жили с папой в тех местах, где тебе посчастливилось появиться на свет, и о том, как и почему мы в свое время покинули эти страшные места. Кстати, о причинах побега, когда ты станешь взрослой, поведай и приотившим тебя людям. Помоги им избежать той кошмарной катастрофы, какой не избежали мы. Ведь сами они никогда не смогут прочесть моего дневника: нашего языка не знает никто. На этом я и кончу. Прости, что пишу так кратко и сумбурно: страшно кружится голова, силы окончательно покидают меня. Прости, моя крошка. Прости и прощай. Твоя мама». Вот и все. – Огги опять глотнула слезы. – Теперь многое становится понятным. Но стрелка! Где та стрелка, о которой пишет мама?

Огги снова взяла медальон, поднесла его к самым глазам, осмотрела со всех сторон:

– Нет никакой стрелки...

– А может, вот* эта полоска, видите, она как бы бежит по фотографии, может, она и играет роль стрелки? Она ведь сохраняет одно и то же направление, как бы не поворачивался медальон. Я проверил.

– Эта полоска? – Огги повернула медальон из стороны в сторону, прошлась с ним по поляне:

– Кажется, вы правы, Кирилл. Она смотрит все время в одном направлении. Но если это так... Значит, там – мой отец!

– Если он жив...

– Жив! Жив! Я знаю! Там, на озере, я не сказала вам одну вещь. Надпись на камне, которую вы показали мне, сделана совсем недавно. В самом начале лета, когда я только что приехала из города, там не было ничего. Абсолютно ничего! Но ведь вы слышали, нашего языка не знает никто. И на камне высечено мое имя. Это мог сделать только папа. Мой отец!

– Но почему он сам до сих пор не пришел к вам? Ведь ваш медальон...

– В том-то и дело, что мой медальон никогда не был со мной. Я уже говорила вам, что я постоянно прятала его в самых разных местах, как можно дальше от дома. А последние три года он неизменно был на озере с часовней. Я сейчас думаю, что он и привел папу туда. И это было совсем-совсем недавно. Боже, как мне благодарить вас за то, что вы для меня сделали?

– Я?! А что я такого сделал?

– Так ведь если бы не вы, я до сих пор не знала бы всего этого. А теперь...

– Вы собираетесь пойти на розыски отца?

– Немедленно!

– Но ведь это может занять не один день.

– Если б даже всю жизнь.

– А что вы скажете Полипчукам?

– Полипчукам?! Вы думаете, я смогу еще хоть неделю жить под их крышей? Нет! Они украли самую дорогую для меня вещь – мамин дневник. Мало того. Они отняли тем самым у меня отца. Они исковеркали всю мою жизнь. И ради чего! Я и раньше подозревала, что они продали то, что было маминым дневником. А теперь на сомневаюсь, что и дом, и вся их проклятая рухлядь куплены на деньги, вырученные от этой сатанинской сделки. Вот смотрите, что я нашла вчера среди их бумаг. – Она вынула из кармашка свернутый в несколько раз листок бумаги и развернула перед Кириллом.

Тот прочел:

«Расписка. Я, Буряков Сидор Петрович, обязуюсь доплатить гр. Полипчуку Игнату Афанасьевичу за купленную у него ценную вещь 2700 (две тысячи семьсот) рублей не позднее осени будущего года. К чему и подписуюсь. С. Буряков».

– Обратите внимание на дату, – заметила Огги. – Расписка написана шестнадцать лет назад, то есть именно в тот год, когда мама оставила меня на крыльце Полипчуков. А что за «ценную вещь» мог продать тогда Полипчук? Я помню, что за дом был у него в то время. Развалюха, вроде той, в какой живет сейчас тетка Лизавета. И можно представить, сколько денег сорвал он с этого Бурякова, если одна лишь «недоплата» составила две тысячи семьсот рублей.

– Но почему расписка осталась у Полипчуков?

– Трудно сказать, почему. Может, он скрылся, так и не уплатив долга Полипчукам. Может, сел в тюрьму. Может, наконец, умер. Не все ли равно.

– Это важно, Огги. Кстати, что вы собираетесь делать с распиской?

– Выброшу или разорву. Не возвращать же ее Полипчукам.

– Отдайте ее мне.

– Зачем?

– Думаю, что она еще понадобиться нам. Ведь Полипчук совершил преступление не только против вас. Он обокрал всех нас, все человечество. Он лишил нас возможности узнать о той катастрофе, с какой столкнулись ваши родители, и какая, возможно, грозит и нам. Дневник нужно разыскать. Во что бы то ни стало! А эта расписка – единственная ниточка, которая может навести на его след. И еще вот что... Я не хотел бы казаться навязчивым, но... Вы собираетесь пуститься в долгий, совершенно неведомый вам путь. Одна, без всяких средств к существованию, без чьей-либо помощи. Так нельзя, Огги. И я хотел бы предложить... В общем, я хочу сказать, что я мог бы наплевать на телеграмму из училища. Ну, что они смогут мне сделать? В худшем случае – влепить выговор, не дать ходу диссертации. Но я мог бы пойти с вами, помочь вам. У меня есть немного денег, я так и не израсходовал здесь своих отпускных...

Она зажала ему рот ладошкой:

– Милый Кирилл. Кириуша... Вы не представляете, как я благодарна вам за эти слова. Скажу честно, вы первый человек, к которому я питаю полнейшее доверие. Но я должна – понимаете, должна! – найти отца сама, встретиться с ним одна. А вы поезжайте в училище. Не надо без нужды осложнять свое положение. К тому же я не думаю, что мой путь будет слишком долг. И пойду я не одна, со мной будет Дэзи. Не беспокойтесь и о необходимых мне средствах. У меня есть кое-какие сбережения, мои личные. Словом, я уверена, что все закончится благополучно. А вы... Вы и без того оказали мне неоценимую услугу, и... – Она легонько тронула его за плечо. – Ну, что вы так опечалились, Кириуша? Не сердитесь на меня. Пожалуйста.

Он только вздохнул:

– Разве я могу на вас сердиться...

– Вот и хорошо. Когда вы едете?

– Теперь уж все равно...

– Тогда вот что. Завтра – пятница, а по пятницам, часов в десять утра мимо нас каждую неделю проходит райпотребсоюзовская машина. Она забирает всех желающих. Ей вы и воспользуйтесь.

– Ладно... – Кирилл почувствовал, что ниточка, все больше связывавшая их в последние дни, вот-вот оборвется. – Но вы напишете мне? Мы еще встретимся? – быстро заговорил он, боясь, что не успеет сказать самого главного.

– Я напишу вам, как только будет ясно с папой. Что же касается нашей встречи в будущем... Я хотела бы этого, Кирилл.

– Спасибо, Огги. Но ведь вы... Где и как я смогу теперь разыскать вас?

– Я и сама еще не знаю...

– Значит, может статься, я вижу вас в последний раз?

– Нет, почему же, по крайней мере один раз мы еще увидимся обязательно. Вы же поедете только завтра, и я выйду вас проводить. А сейчас, простите, я пойду. Мне надо многое сделать, пока не возвратились Полипчуки.

10

Думал ли Кирилл еще неделю назад, как трудно будет растаться с Прибрежным. Впрочем, разве дело в самом Прибрежном! Прибрежный превратится для него в ничто сразу, как только поселок покинет та, о ком он не мог не думать теперь ни одной минуты. И все же... Кирилл захлопнул чемодан, в последний раз прошелся по своей комнатушке и вышел в общую комнату, где тетка Лизавета хлопотала над прощальным завтраком.

– Садись, Кирилл, поешь у меня в остатний раз, – вздохнула она, присаживаясь к столу. – И что за люди твои начальники, не дали человеку отдохнуть до конца!

– Что поделаешь, работа... – коротко ответил он, пододвигая к себе тарелку с салатом.

– А как на будущее лето? – продолжала тетка Лизавета, разливая чай. – Может, снова надумаешь приехать?

– Хотелось бы. Да кто знает, как сложатся дела.

– Приезжай! Может, и Сергей опять сберется. Приезжайте вместе.

– Постараемся, Елизавета Александровна. А скажите, вы не знаете случайно некоего Буряко-ва?

– Какого Бурякова, Сидора что ли?

– Да, Сидора Петровича Бурякова.

– Как не знать. Сродственник Игната, соседа-то моего. Не так чтобы близкий сродственник – десятая вода на киселе, но все же не чужой человек. А с женой его, Аграфеной, мы и учились вместе. Беспутная была девчонка, Агашка-то, а теперь уж и вовсе... Тьфу, вспоминать тошно. Зато сам Сидор богатейшим человеком был когда-то. Магазином в городе заведовал. Ну и сам понимаешь – все у него в руке! Прежде, до того случая, он частенько бывал здесь, у Полипчуков.

– До какого случая?

– Да видишь, какое дело приключилось. Жили они, Буряковы, в городе, в казенной квартире, вот сосед их и повадился к ней, к Аграфене-то. Что уж там было у них, не знаю, только проведал про это Сидор. А мужик он горячий. Ну и порешил соседушку. За дело порешил – не балуй! А суд дал ему десять лет. Так с тех пор и сгинул человек. Ни слуху больше о нем, ни духу. А Аграфена, подлая, через год уж за другого выскочила. Да не дал ей бог счастья: утонул ее новый муженек. Здесь, в Прибрежном, утонул. С тех пор, как и я, одна-одинешенька. Правда, живет теперь в своем собственном особняке: дом ей второй муж оставил. Шикарный домище! С садом, теплицей, надворными постройками. Да и от Сидора осталось не мало. Только разве в этом счастье!

«Так вот в чем дело! – подумал Кирилл, вспомнив все, что сказала вчера Огги. – Вот почему расписка Бурякова осталось у Полипчука! Но если тот Буряков был действительно богатым человеком и нажил свое богатство не совсем честным путем, то «ценная вещь» понадобилась ему, конечно же, не для того, чтобы перепрородить ее кому-то. Ему важно было обратить неправедно нажитые деньги в золото. Жене его, судя по всему, тоже едва ли имело смысл расставаться с золотой вещицей. Значит, дневник матери Огги, по всей видимости, до сих пор хранится у этой Аграфены Буряковой».

– Елизавета Александровна, – снова обратился он к своей хозяйке. – А вы знаете, где живет сейчас жена Бурякова?

– З'наю, конечно. Только теперь она не Бурякова, а Званцева и живет, я уж сказывала, в своем доме, в городе, на улице Подгорной. Аккурат возле больницы.

– Так одна и живет?

– Одна. Ни с первым, ни со вторым мужем бог ей детей не дал. Видно, за грехи ее.

— Может быть, и так...— машинально согласился Кирилл, занятый своими мыслями.— Ну, ладно, мне пора. Пойду на дорогу в город. Там, говорят, в это время райлотребсоюзовский автобус проходит.

— Ну, с богом, с богом!— запричитала тетка Лизавета, прикладывая к глазам рушник.

— До свидания, Елизавета Александровна. Спасибо вам за все.— Кирилл подхватил свой видавший виды чемодан и, выйдя за калитку, зашагал вниз по улице.

Там, возле дороги, где когда-то высадил его молчаливый грузин, стояли уже три женщины с сумками и корзинами, ждали машину. Он отошел чуть в сторону и, присев в тени тутовника на чемодан, устремил глаза на узкий просвет между деревьями, где вот-вот должна была показаться Огги.

Время приближалось к десяти. Появились еще две женщины, потом старики с мальчиком. А Огги все не было.

Кирилл встал и в сильном волнении заходил по обочине дороги. Неужели не придет? Неужели он больше не увидит ее?

Он поднялся вверх по косогору, спустился обратно. Огги не было.

Прошло еще с четверть часа. Потеряв всякое терпение, Кирилл решил уже рискнуть дойти до поселка, постучать в ее калитку. Но тут же вспомнил, что оттуда до сих пор не выезжал мотоцикл Полипчуков. Так вот оно что! Они просто не выпускают Огги из дома. Что же делать? Пойти прямо к Полипчукам и закатить им скандал? Или плонуть все-таки на вызов из училища и вернуться к тетке Лизавете?

Но в это время издали, из-за поворота, послышался шум приближающейся машины. Женщины начали торопливо поднимать с земли корзины. Мальчик в нетерпении потянул за рукав старика. Тот, быстро затянувшись, выбросил изо рта окурок. Кирилл схватил чемодан и в растерянности заметался между сгрудившимися у дороги сельчанами и уходящей к Прибрежному тропой, как вдруг:

— Доброе утро, Кирюша.— Огги выскользнула словно из-под земли.— Простите, что я так поздно.

— Огги!— Кирилл бросился ей навстречу.— Я думал, вы уж не придетете...

— Я могла бы прийти и раньше, но... Вы сами знаете, что нет ничего тягостнее, чем затянувшееся прощание. Особенно на виду у людей. Много ли надо времени, чтобы пожелать друг другу счастливого пути. Желаю и я вам всего самого наилучшего, мой добрый, хороший друг. А это вот вам на дорожку,— протянула она увесистый пакет.— Там же найдете и мою прощальную записочку. Я понимаю, можно было сказать вам все еще вчера. Но так, наверное, будет лучше...

— Сказать — что, Огги? Вы знаете, что я...

— Все-все, Кирюша! Садитесь скорее, видите, все уже в машине. Счастливо вам!— Она быстро коснулась губами его щеки, легонько подтолкнула к тронувшемуся автобусу.

— Но мы увидимся еще, Огги?— Он постарался заглянуть ей в глаза; Однако она поспешила отвернуться, и последнее, что успел увидеть Кирилл, была тяжелая крупная слеза, медленно скатившаяся по щеке девушки и словно застывшая в уголке ее дрогнувших губ.

— Огги!— Он снова шагнул к ней. Но водитель дал резкий продолжительный сигнал, и Кириллу не оставалось ничего другого, как вскочить в переполненный автобус...

А когда, пристроив кое-как чемодан, он смог наконец оглянуться назад, за окнами машины не было уже ни поселка, ни знакомого тутовника, ни поникшей фигурки девушки, ставшей для него са->, ым близким, самым дорогим человеком на земле.

Автобус мчался мимо сплошной стены вечнозеленых зарослей, трясясь и подпрыгивая на каменистой дороге. Неугомонные пассажиры, лениво переругиваясь, суетливо переставляли с места на место свои сумки, кошельки, корзины с фруктами. Водитель-грузин беспечно напевал себе под нос какую-то немудрящую, должно быть, очень веселую песенку.

Кирилл опустился на чемодан и, заглянув в пакет, сразу заметил там тонкий голубенький конверт. Конверт был не запечатан. Он вынул из него свернутый вчетверо лист бумаги и, развернув его на коленях, углубился в чтение.

Огги писала:

«Дорогой Кирилл, милый мой Бука! Я знала, я чувствовала, как вы относитесь ко мне, и кляну себя за то, что до последнего дня, до последней минуты отвечала лишь ничем не оправданным равнодушием и холодностью. Но если бы вы знали, что стоила мне эта напускная холодность! Вы вправе и сейчас рассердиться на меня. Однако постарайтесь понять мое состояние. Всю жизнь, все время, с тех пор, как я стала взрослой, меня не переставало мучить какое-то странное непонятное предчувствие. А вот вчера это предчувствие оправдалось. Я не прочла маминого письма до конца. Вернее, не прочла последнюю строчку, написанную в виде постскриптума. Вот эта строчка: «Дорогая дочка, еще раз предупреждаю тебя: по причине, о которой ты, наверное, уже прочла в моем дневнике, ты, к сожалению, никогда не сможешь стать ни женой, ни матерью, ибо это обернется огромным несчастьем и для тебя, и для того, с кем ты захотела бы связать свою жизнь». Я не знаю, что за причину имела в виду мама. Но какая мать обратится к своей дочери с такими словами, если ее не вынудит к тому действительно очень важная причина. Поэтому, как мне ни тяжело это написать— да, тяжело, Кириша!— нам с вами не стоит, пожалуй, встречаться. Не пришлю я вам, наверное, и обещанного письма. И все-таки, мне будет не доставать возможности поделиться своими переживаниями с вами! Будьте счастливы, мой хороший, добрый друг. Ваша Огги».

Кирилл дважды перечитал письмо, стараясь вникнуть в смысл того, что написала Огги. Но ни записка, оставленная ее матерью, ни само это письмо ни на йоту не приоткрыли завесы тайны, окружающую Огги и ее родителей. Ясно было одно: какое-то страшное несчастье обрушилось в далекой неведомой стране на маленькую семью хороших людей, и последствия этого несчастья до сих пор коверкают жизнь самой юной из них, самой дорогой ему женщины.

Но как помочь ей? Что можно сделать для нее, если она сама не знает, какое горе ее подстерегает? Вот если бы удалось разыскать этот проданный Бурякову дневник... Да, это единственное, что может предпринять он, Кирилл, для Огги. И он не уедет из Чернореченска, пока не сделает все, что в его силах, по розыскам исчезнувшей реликвии.

11

Улица Подгорная начиналась прямо у вокзала, поэтому, сдав чемодан в камеру хранения и убедившись, что поезда до Верхнегорска не будет раньше завтрашнего утра, Кирилл решил сейчас же попробовать разыскать вдову Бурякуву-Званцеву. Дом ее, судя по рассказам тетки Лизаветы, находился где-то неподалеку от больницы, так что найти его не представляло большого труда, тем более, что уже отсюда, с привокзальной площади, он увидел массивное каменное здание с соответствующей вывеской, по обе стороны от которого тянулись добротные частные домовладения. Одно из них, видимо, и принадлежало Аграфене Званцевой.

Дойдя до больницы, Кирилл остановился у высокого парадного крыльца и, подождав, когда с него спустится немолодая, прилично одетая женщина, обратился к ней с вопросом:

— Простите, вы не скажете, в котором из этих, домов живет гражданка Званцева?
— Гражданка Званцева?— глаза женщины стрельнули остройшим любопытством.— Гражданка Званцева живет вон в том доме. Видите, где флюгер с петушком? Только ее нет сейчас, уехала, как всегда по своим темным делишкам. А вы... Вы не из органов будете?

— Как вам сказать,— растерялся Кирилл.— Я, собственно...

— А из органов, так могу сообщить важные сведения,— понизила голос женщина.— И по тому, первому делу, об убийстве моего супруга и по второму, которое замяли, но которое я все равно так не оставлю, потому как имею факты. Да, факты! Во-первых, подохший

боровок— от него никак не отделаешься. Во-вторых, эта ночная стирка— она тоже что-нибудь да значит. В-третьих...

— Подождите,— остановил ее Кирилл.— Прежде всего сядем, вон хоть там, на скамеечке. И потом— кто вы?

— Кто я? Я супруга убитого ими, то есть Сидором Буряковым и этой змеей подколодной Аграфеной Званцевой, Маркела Ивановича Марчука.

— Постойте. Я знаю, что супруг ваш был действительно убит из ревности его соседом Буряковым, за что и понес соответствующее наказание. Но жена его Аграфена... Почему вы и ее называете убийцей?

— Потому что все в том деле было подстроено. Потому что я одна знаю, как и за что убили Марчука. Вот, слушайте! Все началось с этой поездки в Прибрежный, к их родственникам Полипчукам, и покупки у них какой-то золотой безделушки. Но дело вовсе не в этой безделушке! Мы же соседями были. А стены-то в нынешних домах, сами знаете — чуть шепни, и все слышно. Вот мы с Маркелом все их секреты и вызнали. Ну так поехали они в гости к Полипчукам... И надо же так случиться, что в это самое время подбросили Игнату со Степанидой младенца...

— Это я знаю.

— Знаете, да не все. Потому что знал все только Сидор Буряков. И посвятил в это только свою Аграфену. Мы же с Маркелом лишь ненароком подслушали их ночные разговоры. А дело было так. Встал в то утро Сидор самым первым, потому как на рыбалку отправился. Вышел на крыльцо, видит — ребенок. Но шума поднимать не стал: зачем ему это? Словом, спустился он к морю, а там,

неподалеку от берега — шлюпки не шлюпки, в общем, две сцепленные посудины, ровно как грецкий орех, не до конца расколотый. Сел Сидор в лодку — интересно ему стало,— подплыл к тем посудинам, смотрит, все там блестит, словно золотом отделано, а в одной из них — женщина. Одна-одинешенька. И вроде не совсем здорова. Так показалось ему сначала. А как присмотрелся поближе — мать честная! — в посудине-то покойница. Схватил Сидор весло, чтобы оттолкнуться от злосчастной посудины, а она — хлоп! И захлопнулась, вроде как в один шар сомкнулась. Потом завертелся тот шар волчком — и камнем на дно. Сидор глянул под воду — а вода там, как слезинка,— лежит шар на дне, и не так глубоко. Ну, тут же Сидору, понятно, не до рыбалки стало. Вернулся он к Полипчукам. А там дым коромыслом — подкидыша обнаружили. И при нем какая-то золотая вещица. У Сидора и глаза на лоб. Понял он, что не иначе, как младенца подбросила та женщина, какую он только что на дно проводил, и сразу смекнул, что и в посудине ее многое, должно быть, чистым золотом отделано. Понял, а никому ни слова. Вернулись они с Аграфеной домой, а не дают им покоя ни золотая вещица, что прибрали к рукам Полипчуки, ни, тем более, золото; что на дне осталось. Через неделю, слышим, съездил Сидор опять к Полипчукам, выкупил у них вещицу. А заодно проверил, лежит ли на дне диковинная посудина. С тех пор только у них с Аграфеной и разговоре было, как добраться до затонувшего сокровища. Что ни ночь — новые планы строят. И тут — точно тронулся мой Маркел. Засело у него в голове это проклятое золото! Думал он, думал и однажды вечером пошел к соседям и прямо заявил, что он все знает, и либо возьмет его Сидор в долю, либо заявит он обо всем куда следует. Ну и достукался. Порешил его Сидор. А после, на суде, разыграли они с Аграфеной комедию, представили дело так будто прельстился он, Маркел, на ее бабы прелести; сама, ведьма, заявила, что была любовницей Маркела. Но и этого ей было мало. Решила и от Сидора отделаться. Умер он в тюрьме. А отчего умер? Ясно, что она в передачу яда всыпала. Я уже говорила, что за неделю до этого у нее боровок околел. Так это, я так понимаю, она на нем яд испытывала. А аккурат после той последней передачи всю ночь у нее стирка была. Это вам ни о чем не говорит? Она и замуж за Званцева вышла, чтоб только домом завладеть. А отчего утонул он в том же Прибрежном? Неужели не ясно, что она и его потащила за тем кладом? Верно я говорю?

– Ну, что касается отравленной передачи, подошедшего боровка, ночной стирки, то все это чепуха выеденного яйца не стоит. Но вот затонувшая посудина... Окажите, а не говорил Буряков что-нибудь относительно того, как могла оказаться там эта посудина, откуда могла приплыть? Или он в эти делах мало что смыслил?

– Сидор-то мало что смыслил?! Да он полжизни в боцманах протрубил, в загранку несчетно раз хаживал. А откуда приплыла та посудина? Да ниоткуда!

– Как ниоткуда?!

– А вот так, не могла она сама по себе по морю ходить. Так он и Аграфене говорил, не раз слышала: не мог, дескать, тот шарик и полмили самостоятельно проплыть, потому как не было у него ни руля, ни ходовых винтов, ни киля, ни этих, как их... стабилизаторов.

– Так откуда же он взялся там, под берегом, у самого Прибрежного?

– Кто знает... Может, на буксире кто приволок, может, с баржи какой сбросили. Да какое это имеет значение! Главное— золото...

– А это еще вопрос, золото там было или не золото. Не только золото блестит.

– Ну, кого-кого, а Сидора в этом деле не обманешь. Уж коль он человека из-за этой посудины порешил... Да что Сидор! Сидор сам теперь на том свете. А вот Аграфена... Так как насчет того, что я сказала, дадите новый ход делу?

– Посмотрим...— многозначительно пожал плечами Кирилл, входя в роль.— Во всяком случае, надо сначала повидаться со Званцевой.

– Ну, тогда приезжайте недели через полторы, раньше она не вернется.

– Жалко!— вздохнул Кирилл и, простившись со словоохотливой вдовой, снова направился к вокзалу, чтобы попробовать заранее устроиться на ночь в комнатах отдыха.

Рассказ бывшей жены Марчука заново выяснил многие стороны таинственного события шестнадцатилетней давности, произшедшего в Прибрежном, но ни на йоту не приблизил решения главного вопроса: как и откуда прибыли туда Огги и ее родители? Обо всем этом можно будет узнать лишь из дневника матери Огги. Если он сохранился у Званцевой...

Как бы там ни было, он, Кирилл, должен вернуться сюда, в Чернореченск, и вырвать у нее бесценный документ, чего бы это ни стоило. Только после этого можно будет рассчитывать на новую встречу с Огги...

12

Приемные экзамены закончились. Сегодня впервые за последние три недели Кирилл смог наконец прийти домой к обеду и поесть не на ходу в переполненном буфете, а в своей уютной кухонке, вдвоем с матерью, в спокойной домашней обстановке. Ели, не торопясь, перебирая события последних дней, вспоминая, чем было замечательно уходящее лето.

– А знаешь, мама,— указал Кирилл, наливая второй стакан любимого компота,— там, на Кавказе, я, кажется, напал на след погибшего брата.

– Какого брата?

– Да Константина, сына отца и Антонины Павловны. Он же мне брат?

– Брат, конечно. Но почему погибший?

– Как почему? Ты сама, помнится, рассказывала, что лет пятнадцать назад он поехал в турпоход на Кавказ и пропал, как в воду канул.

– Ах, вон ты о чем... Так меня саму ввели в заблуждение. Чего не наболтают люди! Никуда он не ездил и нигде не пропадал. С месяц назад я видела Антонину...

– Разве ты встречаешься с ней?

– Видимся изредка, чего уж теперь делить... Так вот, говорили как раз о нем, Константине. Живет в Ленинграде. Давно женат. Две дочки растут. Все как у людей.

– Скажи, мама, а ты самого его видела? Правда, он очень похож на меня?

– Похож на тебя! С чего ты взял? Да ничего общего. Ты весь в папу: курносый, сероглазый. А он — вылитая Антонина: рыжий, веснушчатый и нос с горбинкой.

– Странно...

– Чего тут странного? Дети одних родителей, и те не всегда похожи, а тут...

— Да, разумеется,— поспешил согласиться Кирилл.— Ладно, пойду, отдохну после обеда.— Он встал из-за стола и прошел в свою комнату, чтобы наедине с собой поразмышлять над тем, что только что узнал от матери.

Итак, брат его, оказывается, на Кавказ не ездил. Да если бы и ездил, какое это могло иметь значение, если он абсолютно непохож на него, Кирилла. Но кем же тогда был тот несчастный, о котором так взволнованно вспоминала чернореченская библиотекарша? А что, если...

Эта мысль мелькала где-то в подсознании и раньше. Но ее тотчас забивала, казалось бы, слишком достоверная версия о пропавшем брате. А теперь...

Он попытался восстановить в памяти портрет отца Огги, вставленный в ее медальон. Нельзя, конечно, сказать, чтобы тот был точной копией Кирилла. Но сходство просматривалось. Во всяком случае, вполне достаточно, чтобы увидевшая его при столь драматических обстоятельствах девчонка через полтора десятка лет, став взрослой женщиной, приняла за спасенного ею человека именно его, Кирилла. К тому же и время, и место происшествия как нельзя лучше совпадали с тем, что говорила Огги. Но если это так...

Кирилл встал с дивана и в сильном волнении заходил по комнате. Если это так, надо немедленно ехать в Чернореченск, расспросить всех старых работников больницы, перерыть, если понадобиться, весь больничный архив, но выяснить, кто и откуда был тот старик, который увез к себе потерявшего память человека. Это будет надежнее, чем поиски его с помощью неизвестно как действующего полуприбора, полуукрашения. А главное — тогда он уже через неделю сможет снова увидеть Огги.

Увидеть Огги... Это было бы такое счастье, о каком он боялся даже мечтать. Но ведь это действительно возможно. Трудно предположить, чтобы во всей чернореченской больнице не осталось никаких следов в общем-то неординарного события. Что же касается поездки, то вся она займет не больше двух недель, а отпуск у него остался недоиспользованным, да и студентов все равно отправят на сельхозработы.

Кирилл сел за стол и принялся тут же сочинять заявление директору училища.

Солнце едва поднялось над кромкой гор, когда Кирилл вышел к заветному озеру и увидел сквозь дымку клубящегося над водой тумана знакомые очертания древнего капища. Память мгновенно высветила все, что пережил он здесь месяц назад и что снова привело его сюда в результате событий последних дней.

Позади остались новые встречи с Марией, ее родственниками и знакомыми, позволившие-таки напасть на след старого пасечника, увезшего из больницы отца Огги. Позади остались и неудачные попытки разыскать исчезнувший дневник, и трудные разговоры с Афоней, доставшим где-то изрядное количество взрывчатки и лишь с трудом согласившимся отказаться от своего жуткого замысла. Впереди был крутой, полный неожиданностей перевал, а за ним — злополучная зона и большое село Хотское, близ которого приютилась пасека деда Матвея и где, как удалось узнать Марии всего лишь несколько дней назад видели саму Огги.

Отсюда, с берега озера, до этой зеленой глубоко врезанной в горы седловины казалось рукой подать. Но путь туда оказался неблизким. Лишь после полудня выбрался Кирилл на гребень перевала. Однако какой вид открылся ему с каменистого уступа, до блеска отполированного водой и ветром за многие сотни лет, что протекли с тех пор, как пролегла здесь горная тропа!

Вся лежащая внизу, залитая солнцем долина будто вскипела сплошным разливом пышной зелени. Сбегающие по ее бесчисленным террасам зароет дуба, ореха, кипариса казались волнами застывшего моря. А на гребнях этих иссиня-изумрудных волн подобно вспыхивающим бликам, рассыпались алые искорки олеандров, белоснежные чашечки и островерхие фонарики магнолий, золотисто-оранжевые гирлянды каких-то других,

неизвестных Кириллу цветов. Трудно было вообразить картину более совершенной, более утонченной красоты. Невыразимое чувство восторга переполнило Кирилла.

Но что это? Он перевел взгляд на другую сторону долины и едва смог сдержать крик возмущения, протеста, ужаса, готовый вырваться из его груди. Там, на противоположном склоне как огромная рваная рана, расплзлось безобразно грязно-серое пятно тюяминитового карьера. Бесчисленные отвалы его, подобно щупальцам гигантского чудовища, пронизали живую кипень цветущей зелени, придавив, изуродовав, засыпав напрочь хрупкие, беспомощно тянувшиеся к свету ветви поверженных деревьев. Тучи пыли, словн клубы смертоносного тумана, медленно сползли с них, густо обволакивая расположенные чуть ниже бараки, эстакады, ржавые рельсы узкоколейки, груды искореженного металла и иного мусора. А над всем этим хаосом мертвого камня и развотченной земли, как символ чудовищного насилия человека над природой, высилась высоченная труба обогатительной фабрики с длинным шлейфом ядовито-желтого дыма. Мозг отказывался признать, что все это сделали сами люди, сами хозяева земли, столь же прекрасной, щедрой, сколь и легко ранимой, беззащитной, сделали сознательно, искренне полагая, что поступили так себе во благо.

Впрочем, те, кому принадлежало право решать, что делать, что не делать, никогда и не бывали здесь, не видели ни цветущей долины, ни того, во что превратилась она в результате их мудрого руководства. Они, эти вершители судеб земли и людей, принимали решения «на благо» своим подданным за тысячи километров отсюда, в своих роскошных кабинетах с кондиционированным воздухом и искусственно взлелянными цветами на подоконниках, попивая заведомо экологически чистое вино и лакомясь не менее экологически чистыми фруктами, выращенными отнюдь не там, где грохотали тюяминитовые карьеры и дымили обогатительные урановые фабрики, истязая природу и отнимая здоровье и жизнь у людей.

А те, кто непосредственно копал и взрывал землю, рубил и корчевал деревья, были то ли зэки или вольнонаемные гладиаторы наших дней, едва ли знали, что и для чего извлекают они из земных недр, а скорее всего лишь, не рассуждая и не задумываясь, выполняли приказы начальства, кляя, как Афоня, выпавший на их долю «атом», или слепо верили, как Мария Григорьевна, что добывают «руду для приготовления каких-то лекарств».

Да и многие ли вообще, за исключением специалистов, знают, что это за минерал — тюяминит, довольно редкий ванадат урана, конечному продукту переработки которого суждено вздуться в виде кошмарного грибовидного облака, несущего смерть всему живому.

Так вот где поселился волею судьбы отец Огги, вот где ждет его, Кирилла, раскрытие окружающей этого человека тайны! Он быстро, стараясь не смотреть на обезображеный склон долины, служился к кошарам, которые оказались почему-то давно заброшенными, поспешно миновал единственную улицу полуразрушенного поселка, где не заметил ни единой живой души, и через каких-нибудь полчаса вышел к первым домам большого селения, в центре которого блестела свежекрашенными куполами старая, но хорошо сохранившаяся церковь.

Это, видно, и было село Хотское. Но здесь не чувствовалось обычной для южных деревень полноты жизни. Главная улица села выглядела удивительно пустынной, двери выходящих на нее домов были плотно замкнуты, окна закрыты. В дворах и переулках, заросших густой травой, повисла ленивая, солнная тишина.

Абсолютно не представляя еще, что предпринять дальше, движимый каким-то неясным предчувствием, Кирилл направился прямо к церкви. Двери храма стояли открытыми, но на паперти не было видно ни одного человека. Постояв с минуту у входа в ограду, Кирилл готов был уже двинуться дальше, как вдруг в дверном проеме показалась

тонкая женская фигура с головой, покрытой черным шарфом. И эта поникшая фигура... Возможно ли?!

— Огги! — вскричал он, бросаясь к ней. Девушка вздрогнула. Глаза ее широко раскрылись.

Губы изогнулись в страдальческой полуулыбке. Крупная слеза покатилась по бледной щеке.

- Кирилл! Кирюша... Как вы... Как ты узнал, что я только что молила бога... – Она шагнула ему навстречу и прижалась лицом к груди, не в силах подавить нахлынувшие рыдания.
- Огги, милая, родная, что с тобой? Что случилось? Почему ты здесь? – шептал он, легонько поглаживая её по голове.
- Папа... Мой папа... Нет больше папы, Кирюша, – смогла наконец сна выговорить сквозь приступы рыданий. – Я похоронила его на днях. И вот теперь... Теперь я одна на всем свете.
- . Не говори так, Огги! Я знаю, тебе тяжело. Тебе безумно тяжело. Но... Ты не одна. Ты никогда не будешь одна, потому что... Словом, с сегодняшнего дня, с этой минуты ты – моя жена.
- Кирюша, хороший мой, но ты же знаешь, что мама...
- Я знаю только, что больше не покину тебя ни на один день и не пожалею жизни, чтобы никому никогда не дать тебя в обиду.
- Спасибо, Кирюша. И все-таки не торопись связывать себя такими обещаниями. Я должна рассказать тебе такое...
- Ты все расскажешь, когда мы вернемся домой.
- Куда домой? О каком доме ты говоришь? Ведь я...
- Я говорю о доме, где живу сам и где теперь будешь жить со мной и ты.
- Нет-нет! – Она в испуге отстранилась от него. – Сначала выслушай меня. Выслушай сейчас. Сядем вот сюда, на скамеечку, и поговорим.
- Ну, хорошо, – согласился Кирилл.
- Так вот, стоило мне подняться на перевал, – начала Огги свой рассказ...

13

Стоило ей подняться на перевал и раскрыть медальон, как тонкая световая полоска чуть поколебалась и уперлась прямо в лежащее далеко внизу селение. У Огги перехватило дыхание от волнения. Значит, там, в этой утопающей в зелени деревне с высокой белой церковью и живет ее отец.

Если бы так! Но путеводная полоска убедительно указывала не на расположенный неподалеку, прямо под ней, поселок и не на большой задымленный карьер на противоположном склоне, а именно на это, лежащее в стороне и почти в самом низу долины селение, к которому, по-видимому, и вела правая развилка тропы, круто сбегающей к поднимающимся невдалеке кошарам.

– Ну, Дэзи, вперед! – тихо скомандовала Огги. – Я знаю, ты устала. Но мы должны, обязательно должны еще до наступления ночи добраться вон до этих домов, чего бы это нам ни стоило.

Дэзи лизнула ей руку и затрусила вниз. Огги последовала за своей верной спутницей. Впрочем, путь вниз по склону оказался не столь уж трудным, и еще до наступления сумерек они вступили на широкую улицу села. Но как быть дальше? Как спросить о человеке, который поселился здесь около двух десятков лет назад и, следовательно, ничем уже не выделяется среди прочих жителей, человеке, который неизвестно чем сейчас занимается, как одевается, как выглядит? Разве что показать вон той группе женщин, столпившихся у источника, сразу за которым начинается дорога в лес, фотографию отца? Огги раскрыла медальон и даже ойкнула от неожиданности. Стрелка, ее путеводная стрелка была повернута теперь почти под прямым углом к улице и указывала направление прямо вдоль дороги, на которой стояли женщины.

Она подошла к ним поближе, коротко поздоровалась и спросила:

- Скажите, куда идет эта дорога?
- Как куда? На пасеку.

– А дальше?
– А дальше никуда, только на пасеку и идет.
– И кто живет там, на пасеке?
– Так пасечники и живут. Два старичка наших, дед Матвей и дед Егорий. Сколь годков уж там живут одни-одинешеньки. Дед Матвей-то уж и ходит с трудом, и видеть почти перестал, а все своих пчелок лелеет. Ну и Егорий тоже... Душевные старички! Дай бог всякому так.

Дед Егорий... Так вот как нарекли здесь ее отца, который всегда оставался у нее в памяти молодым, веселым, сильным мужчиной с задорно вздернутым носом и пышной шевелюрой светло-русых волос и которого мать действительно называла иногда «мой Горри». Слезы готовы были брызнуть у нее из глаз. Но она сдержала их, постаралась унять волнение.

– Спасибо вам, добрые люди. Спасибо большое. Вот этих старичков мне и надо.
– Их тебе и надо? Зачем бы это?
– Надо, очень надо! – повторила Огги и быстро, почти бегом направилась к синеющему неподалеку лесу. Нужно было спешить, в долине начали сгущаться сумерки, а мало ли с чем еще, может быть, придется столкнуться.

Однако пасека действительно оказалась совсем рядом. Не успела Огги немного успокоиться, как дорога вывела ее на обширную поляну, где, огороженные живой изгородью, стояли несколько десятков ульев и бревенчатая избушка, крытая полусгнившей дранкой. Возле крыльца избушки, за небольшим, врытом в землю столом сидели двое седоволосых старцев и не спеша потягивали из простых глиняных кружек дымящийся чай.

Дэзи негромко зарычала.

– Тихо, Дэзи, тихо! – приказала Огги. – Неужели ты не понимаешь, что это самые дорогие мне люди?

Отца она узнала сразу. Но боже! – как он изменился, как постарел за эти годы. И как подойти к нему сейчас? Как заговорить, как назвать себя, не вызвав у него тяжелого нервного потрясения?

Тихо, затаив дыхание, стояла она, скрытая густыми зарослями, не замечая, как текут по щекам непрошенные слезы.

Нет, просто подойти к нему и сразу сказать, что он ее отец, нельзя. Ни в коем случае! Но что же делать, как подготовить его к такой неожиданности?

Наконец Огги решилась, быстро прошла по узкой, заросшей травой тропинке и, подойдя к избушке, склонилась в долгом, глубоком полупоклоне:

– Доброго вечера вам, приятного аппетита, – сказала она как можно более ровным голосом.
– Спасибо, девочка, – ответил тот, кого встречные женщины называли дедом Матвеем. – Только что-то не признаю я тебя. Совсем глаза отказали. Да и голос вроде незнакомый.
– А я нездешняя, в первый раз в этих краях.
– Вот оно что! Что же привело тебя к нам на ночь глядя?
– Я ищу одного человека. – Огги чуть помолчала. – По имени Горри.
– Что?! Как вы сказали? Или я ослышался? – Отец ее, до того безучастно прислушивавшийся к разговору, низко склонившись над своей кружкой, резко поднял голову и взглянул на Огги.
– Нет, вы не ослышились, – ответила та вмиг задрожавшим голосом. – Ведь вы... вы... – Слезы не дали ей договорить.
– Огги, дочка моя! Ты?! – Старик попытался выбраться из-за стола, но Огги бросилась к нему, обвила руками его шею, прижалась к худой старческой груди.
– Папа... Папа... Папка мой... – только и могла она повторять сквозь приступы рыданий, не поднимая головы от груди отца.

- Гм... Вот оно, какая история, – встал из-за стола дед Матвей. – Только ты того, девочка. Только ты не очень. А то, не ровен час...
- Да-да, я понимаю, – опомнилась Огги. – Успокойся, папа. Сейчас я все объясню.
- Ничего не объясняй, дочка. Дай мне только насмотреться на тебя. – Он легонько приподнял голову дочери со своей груди. – Подумать только, – совсем взрослая. И вылитая мать! А я уж потерял всякую надежду... – Голос старика предательски дрогнул.
- Папа, можно мне тоже чаю? – догадалась разрядить обстановку Огги.
- Да, конечно! – засуетился старик. – Сейчас я тебе налью. А вот тут мед и лаваш. Кушай, дочка.
- Как вкусно, папа!
- Вот и славно. Ты ешь, пей, а я буду говорить. Мне надо так много сказать тебе, Огги.
- Теперь успеем наговориться. Я ведь к тебе не на день и не на два.
- Спасибо, дочка. Но дело не в этом. Ты слышала, дядя Матвей сказал, не ровен час...
- Ну, это он так, по-стариковски.
- Нет, дядя Матвей знает. Но еще больше знаю я сам. Я ведь когда-то... Однако не время предаваться праздным воспоминаниям. Мне действительно надо сказать тебе очень многое, а жить осталось считанные дни, может даже, часы.
- Ну что ты, папа!
- Да-да, я знаю, что говорю. Ты слушай, только слушай и постарайся не перебивать меня. Но прежде скажи, ты знаешь, кто ты, кто твоя мать, кто все мы?
- Нет, мне ничего не известно об этом. Ведь мама умерла в тот самый день, когда мы расстались с тобой. А узнала я об этом лишь недавно, всего несколько дней назад, когда смогла наконец раскрыть оставленный ею медальон. В него Тыла вложена ее записочка. Вот она. – Огги протянула отцу последнюю весточку от матери.
- Тот быстро пробежал ее:
- Так... Все ясно. А дневник мамы?
- Он пропал. Вернее, его украли те, кто приютил меня. Я не успела даже раскрыть его. Ведь эти люди... – Огги коротко рассказала о своей жизни в семье Полипчуков.
- Так я и знал... Хорошо еще, что ты смогла сохранить мамин индикатор. Иначе тебе вообще не удалось бы напастить на мой след. Что же касается меня, то со мной произошла еще более нелепая история. Вскоре после того, как я покинул вас, меня сбил мотоцикл, в результате полученной травмы я полностью утратил память и только нынешней весной вспомнил тебя, нашу маму и все, что предшествовало этому роковому дню. Ко мне вернулись все мои знания. Огромные знания, Огги. И передать их я мог только тебе. Но как было найти тебя? В свое время мы с мамой условились, что в случае критической ситуации она сделает все возможное, чтобы ее индикатор унаследовала ты. И я попытался уловить его сигнал. Но мой собственный индикатор неизменно приводил меня лишь к небольшому озеру с часовней, и там обрывалось все. А между тем, я знал, что дни мои сочтены. Какое счастье, что ты сама смогла разыскать меня. Может быть, я еще успею кое в чем просветить тебя. Но пока – самое существенное, самое основное. Итак, слушай. Ты родилась не здесь, не среди этих людей, а главное – не в эту эпоху. Ты родилась более десяти тысяч лет назад...
- Что? Что ты говоришь?
- Не перебивай меня Огги. Я расскажу все, что успею. Да, ты дитя совсем иной цивилизации, цивилизации почти столь же технически совершенной, что и нынешняя, и, к сожалению, столь же, если не еще более, беспечной во взаимоотношениях с природой. А природа не терпит дилетантизма, а тем более насилия. В ней много запретных зон, куда человек просто не имеет права вторгаться. Наши с тобой соотечественники пренебрегли этим, и природа отомстила им. Отомстила жестоко, беспощадно, как могла сделать только она. Я раньше многих других понял, что – наша цивилизация пошла по пути неминуемого самоуничтожения. Я ведь был тем, кого сейчас, здесь, называют учеными. Я не переставал говорить о надвигающейся катастрофе. Но меня не хотели слушать. Впрочем, наверное,

было уже поздно. Мы перешли ту грань, за которой начались необратимые процессы. И тогда я решил не ждать последнего часа. Я знал, как ввести человека в состояние анабиоза, в котором он может находиться неограниченно долгое время. Я знал и то, как вывести его из этого состояния. И я построил аппарат, который мог автоматически сделать все это. Так мы – я, твоя мама и ты – оказались в начиненной приборами капсуле, которая погрузилась на дно моря и должна была всплыть на поверхность ровно через десять тысяч лет. Одновременно соответствующая аппаратура должна была вернуть нас в нормальное состояние. Не все мои расчеты подтвердились. Мы с тобой, как видишь, довольно легко перенесли многовековое небытие. А вот организм нашей мамы не выдержал такого испытания. Да и для нас с тобой все кончилось далеко не лучшим образом...

– Ну, тут твои расчеты ни при чем, – вздохнула Огги. – Однако, что все-таки произошло там, на нашей родине? Чем погубили себя наши соотечественники?

– Это главное, что я должен тебе рассказать. Но в двух словах всего не передашь. А я уже утомился сегодня. Впрочем, видишь вон те огни, над лесом?

– Да. А что это?

– Это тюямуниловый карьер. Самое страшное, что есть в этой долине. А для меня особенно страшное. Ибо это живое олицетворение того, от чего мы бежали десять тысяч лет назад. Живой призрак минувшего! Он, этот призрак... О-о!..

– Папа, что с тобой? Папа??

Но из груди отца вырвался лишь хриплый стон, глаза его закрылись, губы побелели, голова упала на стол.

– Папа! Папа! Дедушка Матвей, что с ним?

– Переволновался старик, понервничал. Последнее время он часто так... Как заговорит об этом карьере... Давай перенесем его в хату. Отлежится, поправится.

14

– Но он не отлежался, не поправился, – закончила свой рассказ Огги. – Через несколько дней папы не стало. Он умер, так и не приходя в сознание. Мы похоронили его на здешнем кладбище. А на другой день скончался и дедушка Матвей. И теперь вот...

– Так где же ты жила эти последние дни, что собираешься делать дальше?

– Приютила меня пока одна добрая старушка. А дальше... Поеду, наверное, в Ставрополь, попробую продолжать учиться в техникуме или найду там какую-нибудь работу.

– Нет, Огги, ты поедешь со мной, ко мне. Я не оставлю тебя одну. Я люблю тебя, я...

Она закрыла ему рот ладошкой:

– Не надо, Кирюша. Не надо об этом. Я тоже хотела бы... быть поближе к тебе, но... Я не могу поехать с тобой, не могу не прислушаться к предостережениям мамы. Пойми, я боюсь не за себя, мне уж все равно. Но ведь речь идет не только обо мне. Признаюсь, у меня еще теплилась крохотная надежда: я думала, что папа объяснит мне смысл ее слов, и тогда, может быть... Но я не успела спросить его ни о чем, и теперь... Нет, нам нельзя быть вместе.

– Хорошо, не будем больше говорить об этом сейчас. Но до Чернореченска-то я могу тебя проводить? А там... Словом, я навел кое-какие справки, не исключена возможность, что мы разыщем дневник твоей мамы, узнаем, что она имела в виду.

– Ты знаешь, как найти дневник мамы?

– Почти. Но без тебя мне его не заполучить.

– Я сделаю все, что нужно.

– Не плохо было бы еще раздобыть диктофон и фотоаппарат...

– Диктофон и фотоаппарат? Я смогу, пожалуй, найти и то, и другое. У одних моих знакомых в Чернореченске, я знаю, есть такие вещи.

– Тогда я почти ручаюсь за успех.

– Кирюша, милый, если бы нам действительно удалось найти дневник...

- Можно зайти к вам? – проговорил Кирилл, несмело приоткрыв дверь добротного особняка Аграфены Званцевой.
- Зайдите, милости просим, – вышла к нему навстречу хозяйка дома, высокая дородная женщина в цветастом шелковом платке и длинном, до пят, бордовом сарафане.
- Здравствуйте, Аграфена Никитична, простите за беспокойство, – обратился к ней Кирилл, оглядывая богатую, как антикварная лавка, гостиную вдовы.
- Здравствуйте, мил человек. Чем могу служить?
- Я к вам с просьбой, Аграфена Никитична.
- Садитесь, выкладывайте вашу просьбу, – проворковала Званцева. – Только скажу сразу, если вы наслушались бабьих сказок, что у меня, как на ярмарке, можно купить все, что хочешь, от платка до каракулевой шубы, то не обессудьте: в этом доме ничего не продаётся.
- Ну что вы, Аграфена Никитична, я к вам совсем по другому делу. Лет семнадцать тому назад ваш бывший муж Сидор Петрович Буряков приобрел у Игната Полипчука из Прибрежного одну золотую вещицу...
- Не знаю я никакого Полипчука и слышать не слышала ни о какой золотой вещице! – отрезала Званцева.
- Ну, зачем так, Аграфена Никитична? Ведь Полипчук, как ни как, ваш родственник, не знать его вы не можете. Да и расписочка у него сохранилась о том, что ваш покойным супруг не доплатил ему за эту вещь две тысячи семьсот рублей. Вот, полюбуйтесь, – выложил Кирилл на стол пожелтевший документ.
- Ложь! Фальшивка! – мигом взвилась Званцева, мельком взглянув на расписку Бурякова.
- Да нет, не фальшивка, – решил приврать Кирилл. – Графологическая экспертиза подтвердила, что расписка написана именно Сидором Петровичем Буряковым.
- Так вы что, хотите взыскать с меня эти две тысячи семьсот целковых? За этим Полипчук вас прислал?
- Ну, зачем взымать, дело прошлое. Да и кто знает, сколько в действительности стоила та вещь. Аппетиты Полипчука всем известны.
- Вот именно! – поспешило согласиться Званцева. – Этот наш родственник, как вы изволили выразиться, просто ободрал нас, как липку. Знающие люди сказали, что вещь не стоит и половины того, что мы заплатили.
- Что же вы не вернули ему покупку?
- Попробуй верни! Сделка состоялась. Но об этих двух тысячах семистах рублях пусть он лучше и не заикается. Эк спохватился! Через столько-то лет!
- Да, едва ли стоило ему поднимать этот вопрос. Тем более что вещь ворованная.
- Как – ворованная? – спохватилась Званцева.
- А как же, он украл ее у девочки, которая волею судьбы оказалась у него в доме.
- Постойте, постойте! А откуда вы все это знаете? Кто вы такой?
- Я муж этой девушки, и мне хотелось бы...
- Вот оно что! – вмиг преобразилась Званцева.
- Мужем Ольги, значит, решили называться! И расписочку успели приобрести! Думали, так тут и раскиселятся перед вами, так и выложат все, что вы затребуете. Как же: я муж, мою жену обокрали... Ловко придумали! Но все равно! Муж вы или не муж, жена она вам или не жена, ничего у вас не выйдет! Нет у меня никакой её вещи. Нет! Ничего я об этом не знаю, и никакого разговора у нас с вами не было. Кто подтвердит, что вы тут выудили из меня? Где свидетели? А я где хочешь, хоть в милиции, хоть в суде так и скажу: ничего я об этой вещи слыхом не слыхала, и все это одни выдумки. Так что проваливайте отсюда, пока я не позвала мужиков-соседей, и больше носа не показывайте!
- Не торопитесь, Аграфена Никитична, уйти я успею. Только напомню, что свидетелей у меня предостаточно, взять хоть вашу бывшую соседку, вдову Маркела Ивановича

Марчука. Да мне и не нужны никакие свидетели. Весь наш разговор записан вот здесь, — Кирилл вынул из сумки диктофон. — Вот, послушайте.

— Это еще что?

— А вы слушайте, слушайте! Раздался негромкий щелчок, и сразу: «Здравствуйте, Аграфена Никитична, простите за беспокойство». «Здравствуйте, мил человек, чем могу служить?» «Я к вам с просьбой, Аграфена Никитична». Кирилл выключил прибор.

— Поняли, Аграфена Никитична?

Та долго молчала. Потом — проговорила с нескрываемой злобой:

— Все поняла. Говорите прямо, что хотите: в суд на меня подать, денег у меня вытянуть?

— Мог бы и в суд подать, обвинить вас в приобретении заведомо краденой вещи. Но я не стану делать этого. Деньги мне тоже не нужны. Скажу больше, и оставлю этот предмет у вас и никому не скажу, что у вас незаконно хранится вещь большой ценности. Но при одном условии: если вы позволите мне сфотографировать страницы этой книги.

— Да зачем вам это?

— Нам, то есть мне и моей жене, очень важно знать, что написано в этой книге. Ведь это не просто книга, а дневник покойной матери Ольги, и в нем... Ну да буду с вами совершенно откровенным. Ольга очень больна. Что с ней, не может определить ни один врач. Знала это только ее мать. И именно это занесла в свой дневник. Теперь вы понимаете, как важно...

— Боже, что же вы сразу не сказали?

— А если б сказал? Так вы, ни слова не говоря, и выложили бы мне эту книгу?

— Кто знает... Может, и впрямь поопасалась бы, — призналась Званцева. — Ведь в свое время мы все наши денежки в эту вещь всадили. Почитай, все мое богатство теперь в ней. А вы мне с этой ведьмой, вдовой Марчука, да еще с магнитофоном... Уж так меня прижали, что не знаю, что и делать...

— Опять «что делать?» Да поймите, никто и не посягает на ваше богатство! Говорю, позвольте мне только сфотографировать текст дневника. И владейте им, сколько вашей душе угодно. Ну, что у него убудет от фотографирования?

— Так-то оно так, да... Не знаю уж, как вам и сказать. Книжки-то уж нет, одни корочки остались...

— Как одни корочки?

— Ну, сами посудите книжка-то толстая была, как ее прятать. Вот мы и вырвали большую часть страниц, оставили самую малость, чтобы только золото не терлось.

— А где эти вырванные страницы?

— Выбросили, наверное, я уж и не помню. Кто бы мог подумать.

— Ну, хоть те листы, что остались, можете вы мне показать?

— Зачем показать, забирайте их совсем, все до единого. Только корочки мне оставьте.

— Эх, Аграфена Никитична, что вы наделали? Ну да что теперь об этом». Давайте, что осталось.

— Сейчас, посидите минутку. Только... А вы и .правду не затребуете у меня этих корочек и никому не скажете о них?

— Клянусь вам, Аграфена Никитична!

— Тогда уж и расписочку Бурякова оставьте мне.

— Отдам и расписку.

— А как же магнитофонная запись? Вы бы и ее уничтожили.

— Уничтожу прямо при вас.

— Тогда я сейчас... — Званцева вышла в соседнюю комнату и через несколько минут вынесла стопку лотных глянцевитых листов, убористо покрытых знакомым Кириллу шрифтом. — Вот, все, что осталось.

— Ну, что же. Только скажите, это начало или конец дневника?

— Конец. Самые последние странички.

— Ладно хоть так, — внутренне порадовался Кирилл. — Конец нам важнее. Ну, вот вам расписка, вот пленка с записью. И, если можно, еще один вопрос: а тот аппарат с останками несчастной женщины, который, как говорят, на глазах у покойного Бурякова сгрузился на дно моря... Вы не смогли бы хоть примерно сказать, где он это видел?

Она покачала головой, вздохнула:

— Нет, не смогу. Всё это мог сказать только Сидор Петрович, царство ему небесное. Я, правда, слышал от него, что шар тот в хорошую погоду можно прямо сквозь воду видеть. Да где там... Мы со вторым моим муженьком, признаюсь вам, попробовали однажды поискать его: всю бухту прочесали на лодке вдоль и поперёк — нигде ничего? Я даже сомневаюсь теперь, в бухте ли он в утро рыбачил, может быть, совсем в другом месте это было: берег-то длинный. Да и сколько времени с той поры прошло? Могло занести эту посудину илом, могло волной разбить...

— Да, конечно... Прощайте, Аграфена Никитична.

— Прощайте, мил человек. Не серчайте, если что не так. Ведь всякий бы на моём месте...

— Ну, доложим, далеко не всякий. Да что говорить... Спасибо и на этом. — Он бережно свернулся в трубку, упруго шелестящие листы и, выйдя из пропахшей нафталином комнаты, поспешил к ожидавшей его Огги.

— Вот всё, что сохранилось от дневника вашей мамы, — сказал он, подсаживаясь ни на скамеечку и протягивая вырученную рукопись.

— Как, всё? А остальное?

— Остальное эти варвары просто уничтожили, за ключением, разумеется, обложки, ради которой, они и выторговали дневник у Полипчуков.

— Но ведь это... это... — не смогла найти слов от негодования и отчаяния Огги. — Сейчас я пойду туда и...

— Не надо, Огги. Я сделал все возможное. Других страниц не вернуть. Пойдем отсюда. Поезд отходит через полтора часа. Зачем нам оставаться здесь еще на сутки. А надо еще проститься и поблагодарить твоих знакомых, тетку Ганну, Марию. Пойдём, Огги!.

— Да, пойдем, пожалуй, только... О каком поезде ты говоришь, о том, на котором поедешь ты?

— О том, на котором поедем мы.

— Как, мы? Я же говорила тебе... Разве ты забыл?

— Я помню все. Но мы условились, что прием окончательное решение лишь после того, как познакомимся с содержанием дневника. А на это, как я понимаю, понадобится время?

— Да, с ходу это не прочесть, некоторые фразы даются мне с трудом, — созналась Огги, просматривая рукописный текст, — я ведь училась нашей грамоте совсем ребенком, а почерк у мамы был, видимо, далеко не каллиграфический. Так что действительно понадобится время...

— Вот на это время я и приглашаю тебя в гости к нам с мамой. А там видно будет.

— Ой, не знаю, что и сказать тебе, Кириюша.

— И правильно, лучше ничего не говорить. Мы еще успеем наговориться там, дома. А поезд ждать не будет. К тому же надо бы все-таки навестить до отъезда хотя бы Марию — библиотекаршу: она так много сделала, чтобы я мог найти тебя. Это здесь неподалеку, в машиностроительном ПТУ.

— Хорошо. Только зайди к ней один. Так будет лучше. А я тем временем пройдусь по магазинам, куплю кое-что на дорогу. Через час встретимся на вокзале.

Мария Григорьевна была, как всегда, за своим столом, в читальном зале и, увидев его, быстро встала, пошла навстречу:

— Ой, Кирилл! Вы? Ну, что, как? Разыскали своего двойника, встретились с его дочерью?

— Да, спасибо вам большое. Нашел всех. Только... Опоздал немного. Всего на несколько дней опоздал. Умер тот человек неделю назад. А на другой день умер и приютивший его пасечник.

– Боже, какое несчастье! Столько смертей сразу. Вчера забегала ко мне подруга из Прибрежного и сказала, что там, у них, тоже покойник. Я не знаю, слышали ли вы об одном горемыке Афоне...

– Что?! Умер Афанасий Болдин?!

– Да, наложил на себя руки, говорят. А вы, значит, знали его?

Кирилл лишь закрыл лицо руками и молча опустился на стул. Умер Афоня... Покойный, конечно, не оставил никакого письма или записки. Но Кирилл знал, что заставило несчастного покончить с собой. Все последнее время он жил одним – надеждой отомстить за свою исковерканную жизнь. И он, Кирилл, отнял у него эту надежду. Что из того, что иначе он поступить не мог, что из того, что он, может быть, спас жизни сотен других людей. У каждого человека одна жизнь. Ее не заменишь и тысячами других. Жизнь у Афона отнял он, Кирилл. И как бы ни оправдывали его все, казалось бы, независящие от него обстоятельства, сам он не мог оправдать себя никакими доводами рассудка. А надо было еще сказать об этом Огги, сказать, несмотря на то, что после разговора она определенно отстранился от него навсегда:

– Да, что вы так расстроились, Кирилл? – подсела к нему Мария. – Ведь он, Афоня, давно уже еле по земле ходил. И опустился донельзя. Я как-то встретила его – на человека не похож.

– И все-таки он был человек, Мария. Такой же человек, как все мы. Только больше обижен жизнью. И людьми тоже. А теперь я должен проститься с вами. Спасибо за все, что вы для меня сделали и, как говорится, не поминайте лихом. – Кирилл тяжело поднялся и пошел к выходу.

16

Часы пробили десять. Кирилл открыл глаза и даже привстал от удивления: вся комната была наполнена каким-то странным жемчужно-белым светом. Он быстро соскочил с дивана, подошел к окну:

– Так вот оно что! – Все кругом было бело от снега. – Зима пришла!

Он наклона умылся, привел себя в порядок и, обменявшись двумя-тремя словами с матерью, хлопочущей на кухне, тихонько подошел к двери своей комнаты, куда вчера вечером они поместили приехавшую с ним Огги. Он легонько кашлянул. Дверь тотчас раскрылась.

– Доброе утро, Кирюша. Заходи, я не сплю.

– Ты уже встала?

– Я не ложилась сегодня.

– Почему?

– Спешила перевести для тебя мамин дневник, – указала она на стопку исписанных ее красивым убористым почерком листков.

– Ну и...

– Сейчас все увидишь сам. Оказывается, это не дневник в полном смысле слова, записи не помечены ни числом, ни днем недели, сделаны с интервалом от нескольких дней до нескольких месяцев. Видимо, мама была очень занятым человеком и бралась за перо лишь от случая к случаю, когда требовалось записать какие-то особенно важные события. А события эти... Вот, прочти.

Кирилл сел за стол. Огги пододвинула к нему исписанные листы, опустилась в кресло рядом.

Сохранившиеся страницы начинались с полуфразы:

«... вновь оповестили, что интенсивность жесткого излучения из космоса превысила допустимые нормы. Значит, снова нельзя будет выйти на поверхность. Уж этот слой трехатомного кислорода! Давно ли служба атмосферы сообщала, что в результате строжайшего запрета на использование любых фторхлористых препаратов он почти полностью восстановился над всей территорией Литании, и вот – снова...

Впрочем, Горри и тогда сомневался в оптимистических прогнозах службы, ибо существует негласная директива, что этот запрет не распространяется на военное производство, а кто знает, чего и сколько выбрасывают в атмосферу оружейные заводы. В последнее время Горри все чаще убеждает меня в неизбежности осуществления его проекта. А я боюсь. Нет, не за себя, за нашу малышку. Как она перенесет этот многовековой анабиоз? Да и что встретит нас на земле через десяток тысячелетий? Но и здесь, похоже, рассчитывать больше не на что. Правда, служба подземных городов уверяет, что в них можно будет прожить не одно столетие. Но разве это жизнь... Служба атмосферы преподнесла неожиданный сюрприз: сегодня с утра разрешен выход на Поверхность. Все ликуют. Но чему радоваться? Все тот же зной, палящий ветер, тучи горячей пыли.

Говорят, что в парке Солнца окончательно погибли последние деревья. Теперь даже не верится, что когда-то вся территория Литании была покрыта лесами. Горри уверен, что с вырубки лесов и началась наша трагедия. Леса рубили на топливо, рубили на нужды строительства, рубили просто так, в соответствии с директивами высших властей о расширении площади пахотных земель.

А что стало с этими пахотными землями? Все снесли пыльные бури. Не помогла никакая ирригация. Да и могла ли она помочь? Горри считает, что чрезмерное увлечение гидротехникой только ускорило необратимые нарушения водного баланса в природе. И вот результат: ни лесов, ни лугов, ни полей. Одни грибы в подземных оранжереях. Как они надоели, эти грибы и всякого рода бактериальные белки! А что ждет наших детей?

Горри уверяет, что, чем бы ни кончилась наша агония, минимум через десять тысяч лет природа возродится во всем своем первозданном великолепии. Не знаю, не знаю... Но, кажется, я склонна согласиться с его проектом. Сам он только этим и живет. Во всяком случае, в последнее время почти не выходит из лаборатории, где создается его аппарат.

Сегодня праздник. Он начался по давней традиции с массового шествия к парку Солнца. Грустное это было свидание с местами нашей с Горри юности. Деревья в парке действительно посохли. Черные стволы и ветви в разгар лета – что может быть печальнее такого зрелища. Единственными зелеными оазисами остались крохотные лужайки заботливо сохраняемой здесь травы.

Бедная трава! Она оказалась наиболее стойкой перед безжалостным натиском космического излучения. Но долго ли продержится и она? Ведь содержание трехатомного кислорода в атмосфере, говорят, становится все меньше и меньше. И эти песчаные бури и иссушающая жара!

Все объясняют ее чрезмерной концентрацией в воздухе двуокиси углерода, возникшей вследствие бездумного сжигания лесов, угля, нефти и газа. Но Горри считает, что в большей степени количество двуокиси возросло в результате полной гибели растительного покрова и перенасыщения ею вод морей. Прежде она сбрасывалась из морской воды в виде карбонатов кальция и магния. Но как только пересохли реки и прекратилось поступление кальция и магния в моря, воды их перенасытились двуокисью и перестали поглощать этот коварный газ из воздуха.

Значит, нечего и надеяться, что в обозримом будущем что-то изменится в лучшую сторону. Что же будет с нашими детьми, внуками, правнуками? В последнее время появляется все больше статей, убеждающих литанийцев, что жизнь под землей не так уж плоха, что к ней надо просто привыкнуть, что наши потомки, родившиеся и выросшие в подземных городах, сочтут такую жизнь даже более нормальной, чем жизнь на Поверхности.

Может, так оно и будет. Человек действительно способен привыкнуть к чему угодно. Но останется ли он человеком? Не уподобится ли слепым кротам и землеройкам?

Какие мрачные мысли приходят сегодня в голову! И это в праздник! Но что праздник? После нескольких часов, проведенных на Поверхности, наше сырое мрачное жилище кажется каменной могилой. И не с кем разделить эту страшную тоску. Горри даже

сегодня, в праздник, умчался в свою лабораторию. Почему он так спешит? Я почти смирилась с мыслью принять участие в его проекте. Но к чему такая спешка? Ведь, несмотря ни на что, так хочется еще пожить! Хоть год-другой. Хоть несколько лишних месяцев. А может, он знает что-то такое, чего не знает пока никто другой. Как страшно! Как безумно страшно!

Служба здоровья официально сообщила, что причиной массового появления уродцев среди новорожденных детей явилось употребление их родителями препарата нийоно (лекарство, укрепляющее иммунную систему), побочные действия которого, как оказалось, появляются лишь несколько лет спустя после его применения. Невозможно описать весь ужас, охвативший меня при этом известии, ведь весь последний год мы регулярно давали нийоно нашей малышке. Но кто мог подумать... К тому же существовало официальное предписание, которое чуть ли не обязывало литанийцев применять этот препарат.

В свое время, когда, в связи с кошмарной и все более ухудшающей экологической обстановкой, разного рода болезни начали особенно свирепствовать на всей территории Литании, открытие нийоно было воспринято, как чудо: количество заболеваний сразу уменьшилось во много раз. Хотя уже тогда большинство серьезных исследователей предупреждали, что препарат такого рода требует многолетней проверки на побочные действия. Однако к голосу их не прислушались. До того ли было доведенным до отчаяния людям. И вот результат...

Правда, Горри полагает, что до тех пор, пока Огги станет взрослой, действие нийоно на ее организм прекратится. Но, боюсь, он только успокаивает меня. Кто знает, что значит это «несколько лет»? Я сердцем материнским чувствую, что обрекли мы нашу девочку на невозможность стать в будущем матерью. Вот разве эти десять тысяч лет анабиоза...

Но легко сказать: десять тысяч лет небытия! Как решиться на это? И хотя аппарат Горри почти готов, я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что мы действительно воспользуемся его проектом. Ведь это все равно что добровольно лишить себя жизни. Об этом можно сколько угодно рассуждать, в благополучный исход этого сколько угодно верить, в необходимости этого сколько угодно не сомневаться. Но окончательно решиться на это... Не знаю, не знаю...

Сегодня почти всю ночь шел дождь. Первый дождь за последние три месяца. С каким чувством облегчения потянулись люди утром на поверхность. Ведь дождь – это свежесть, это прибитая пыль, это долгожданная прохлада.

Проводив нашего папку в лабораторию, мы с дочкой также выбрались на Поверхность и решили пройти до парка Солнца. Вместе с нами туда шли и многие другие свободные от работы люди, главным образом женщины и дети. Настроение у всех было празднично-приподнятое. Жара действительно спала. На дороге блестели лужи. Воздух давно не был столь чистым и прозрачным.

Но что ждало нас в парке! Последние лужайки, еще недавно ласкающие глаз зеленой травой, поблекли, побурели, превратились в грязные безжизненные лохмотья. Их убил дождь.

Как сообщила позже служба атмосферы, этот дождь вобрал в себя ядовитые вещества, выбрасываемые в воздух бесчисленными трубами наших заводов и электростанций (ведь существующими инструкциями не предписывается никаких ограничений на загрязнение воздуха производственными дымами) и обрушил их на многострадальную землю. Такой дождь, полагают, прошел над всей Литанией, и, значит, нигде не осталась ни одного зеленого уголка. Отныне наши дети даже траву смогут увидеть только на картинках.

Я готова была плакать от отчаяния. Но Горри, воспринял это с удивительным спокойствием. Видимо, он окончательно примирился с мыслью, что дни наши на этой земле сочтены, и все надежды возлагает только на свой проект. Кстати, все технические испытания нашего будущего саркофага закончены. Осталось провести серию каких-то биологических экспериментов. И тогда... Страшно подумать, что будет тогда.

Сегодня в главном водозаборе, питающем центральные кварталы подземного города, обнаружены недопустимо высокие концентрации фосфора, хлора и ртути. Людей охватила паника. Служба водоснабжения объявила, что это явление временное, связанное с аварией в очистных сооружениях расположенного на Поверхности завода полиметаллических сплавов, и что впредь до устранения аварии центр переключается на запасной водозабор, вследствие чего будет существенно сокращена подача воды в жилые кварталы всего города.

Случай вроде бы ординарный. Паника понемногу улеглась. Но Горри не покидает тревога. Он уверен, что такой набор вредных примесей никакого отношения к заводу не имеет. Скорее всего это компоненты различных пестицидов, которые многие годы бездумно всаживались в земельные угодья по невесть кем составленной инструкции в надежде увеличить урожай сельскохозяйственных культур.

Теперь не осталось ни этих культур, ни самих земельных угодий. Но вредные компоненты, проникая все глубже в недра земли, достигли наконец водоносных горизонтов, используемых теперь в снабжении подземных городов, и количество их в воде будет только возрастать. Единственный выход – бурить еще более глубокие скважины. Но и это только отсрочит агонию Литании.

Никогда еще я не видела Горри в таком подавленном состоянии. Кажется, у него начинают сдавать нервы. Однако он всегда был очень объективным исследователем. Неужели в самом деле конец? И почему он не скажет мне об этом прямо? Впрочем, то, как он спешит закончить работу над проектом, красноречивее всяких слов.

Вчера, поздней ночью, начался заключительный этап этой гигантской работы: в капсулу, начиненную соответствующей аппаратурой, были помещены три обезьянки, и после того как эта аппаратура ввела их в состояние анабиоза, капсула автоматически погрузилась на дно моря. Там, в морской пучине, в установленный Горри срок, кажется, через несколько месяцев, та же аппаратура выведет их из анабиоза и поднимет капсулу на поверхность. И если все будет благополучно...

Страшно подумать, но от исхода этого последнего эксперимента зависит наша судьба и жизнь. Иногда мне кажется, что где-то в глубине сознания я даже тешу себя надеждой на отрицательный исход испытаний...

Но нет, нет, нет! Разве я могу желать такого удара для Горри. Пусть все закончится благополучно. А там... Лучше не думать об этом.

Вот уже несколько дней Горри, несмотря на все запреты, с утра до вечера не покидает Поверхности, спускается к нам только на ночь, и то не всегда. Там, в своей лаборатории, он следит за показаниями приборов, дистанционно регистрирующих состояние подопытных обезьян в капсуле на дне моря. Кажется, все идет нормально. Но волнение его достигло предела. Боюсь, что малейший сбой, и он сляжет от нервного перенапряжения.

Я наконец вынуждена была сказать ему, что так нельзя: проект проектом, но надо думать и о своем здоровье. А он лишь усмехнулся в ответ: «Неужели ты не знаешь, что находиться в защитном костюме на Поверхности намного безопаснее, чем все время сидеть в обычной одежде в этих подземельях?» Я не могла понять, что он имеет в виду. И тогда он открыл мне ужасный секрет. Оказывается, специалисты давно уже установили, что наше традиционное увлечение красителями, изготовленными из продуктов выветривания тяжелого черного окста (как я еще совсем недавно восторгалась этими яркими, сочными, неблекущими красками!), и внедрение во все области техники – от медицинского оборудования до бытовых приборов (не говоря уже о военном производстве) – самораспадающихся изотопов, привело к тому, что все пространство подземных городов оказалось насыщенным каким-то постоянно действующим губительным излучением. Спастись от него невозможно никак. И что самое страшное – излучение это накапливается в теле человека и рано или поздно неминуемо должно привести к его

гибели. Так что и здесь, под землей, все мы обречены. Но никто не знает этого, ибо существует строжайшая инструкция о неразглашении подобных сведений.

«Вот почему, — заключил он, — я так спешу закончить работу над проектом. Надо хоть кому-то выжить в этом страшном мире. Для того, по крайней мере, чтобы предупредить о наших бедах грядущие цивилизации».

В том, что такие цивилизации вновь появятся на обновленной Земле, он почему-то не сомневается, как и в том, что с помощью его проекта мы с ним и нашей Огги сможем перенестись в этот новый, грядущий мир. Но я не могу этого представить. Десять тысяч лет!..

По подземному городу ползут слухи, что где-то в северных кварталах видели людоидов, этих страшных чудовищ, вызванных к жизни экспериментами специалистов по генной инженерии.

Трудно сказать, что двигало в свое время этими «исследователями». Тогда к известию о создании сверхлюдей отнеслись как к очередному сенсационному открытию. Шутка ли — эти сверхлюди не страдали ни от длительного кислородного голодания, ни от любых самых жестких излучений, ни от каких угодно перепадов температур. Естественно, создатели их умолчали о другом: о чрезвычайно низких умственных способностях и невероятно агрессивной жестокости своего детища. Все это стало известным лишь тогда, когда количество их перевалило за сотню и обнаружилась поразительно большая плодовитость людоидов.

Люди забили тревогу. Но, как всегда бывает в таких случаях, мнения разделились. Против довольно многочисленных сторонников немедленного уничтожения этих монстров выступила не менее многочисленная группа гуманистов, доказывавших, что как-никак это все-таки люди, и любое цивилизованное общество просто не вправе лишать их жизни. Впрочем, не исключено, что существовало и еще одно соображение, выдвигаемое военными кругами, о чем, естественно, никто не осмеливался говорить вслух.

В результате было принято решение создать для них специальные резервации на крайнем юге страны, где они могли бы жить и работать на оксотовых рудниках и других не менее вредных предприятиях, не представляя опасности для других граждан Литании. И постепенно о них почти забыли. Слишком много забот обрушилось на литанийцев и без этой проблемы.

Однако в последнее время все чаще начали появляться сообщения о том, что отдельные людоиды пытаются совершить побег из резерваций. И вот теперь эти слухи о появлении их в подземном городе... Может, это действительно только слухи, Но кто поручится, что теперь, когда на Поверхности остается все меньше людей, людоиды не вырвутся из своих застенков и не станут крушить все, что встретится на их пути. Тогда останется одно — воспользоваться проектом Горри и бежать из этого страшного мира.

Кстати, все испытания его аппарата прошли успешно. Кapsула в точно назначенный срок поднялась на поверхность моря, и все три обезьянки вышли из анабиоза без каких бы то ни было отклонений от нормы.

Теперь я с трепетом жду его окончательного решения. Но он почему-то медлит. Впрочем, что же тут удивительного. Ему, конечно, тоже страшно. Возможно, даже страшнее, чем мне. Ведь он должен думать не только о себе, но и о нас с Огги. Разумеется, он все взвесил. И все-таки, уйти вот так, сразу, из жизни...

Произошло неслыханное. Руководство Литании объявило, что отныне употребление наркотиков является личным делом каждого гражданина. Ни производство, ни хранение, ни, тем более, употребление их не будут больше преследоваться властями. Руководство объяснило этот шаг тем, что при существующих, крайне суровых условиях жизни оно не намерено лишать людей хотя бы такой отдушиной. Нашли отдушину!

Негодованию Горри не было границ. «Вот и конец, Магги, — сказал он мне сегодня утром. — Только люди, осознавшие, что гибель цивилизации предрешена, могли пойти на такое кошмарное решение. Но я не могу, не хочу видеть подобного позора. Все! Больше

откладывать некуда. Аппарат испытан. Не хватало еще, чтобы людоиды или взбесившиеся наркоманы вывели его из строя. Сегодня в полночь мы уходим в небытие. Подготовь себя и Огги. Только ничего не говори ей. Пусть она уснет спокойно. На десять тысяч лет...»
Что я могла ответить ему, самому близкому, самому дорогому мне человеку? Я верю ему беспредельно. Но если даже он ошибается, если мы не выйдем из состояния анабиоза, или по истечении назначенного срока нас встретит безжизненная пустыня, все равно, жизнь сейчас, здесь – окончена. Что даст несколько лишних лет, даже десятилетий мучительной агонии?

Итак, это последняя моя запись. Сегодня в полночь мы уйдем из жизни. И я заберу с собой этот дневник. Может быть, кто-нибудь прочтет его, если даже рискованный эксперимент не увенчается успехом. А может быть, – это самое заветное мое желание, – его прочтет наша милая крошка. Прочтет и простит своих отца и мать за то, что они прервали ее только что начинающуюся жизнь.

Огги, милая, любимая наша дочурка, поверь, что только ради тебя я, сколько могла, откладывала этот страшный момент. А теперь только ради тебя все-таки решилась на него. И если – мало ли что может быть – ты окажешься среди людей, а нас с папой уже не будет, расскажи им, этим людям далекого будущего обо всем, что здесь написано, не дай им пережить того, что переживают сейчас наши соотечественники за бесчисленные ошибки своих предков.

Твоя мама».

Кирилл повернулся последнюю страницу и долго молчал, вновь и вновь переживая, мысленно все то, что испытала эта бесконечно далекая, но ставшая сразу удивительно близкой женщина.

Молчала и Огги, занятая, видимо, такими же мыслями. Наконец она встала, медленно прошлась по комнате, подошла к столу:

– Вот и исполнилось последнее желание мамы...

– Да. И все мы, все нынешнее человечество, должны быть безмерно благодарны ей за это послание-предостережение.

– А что ты думаешь о ее записи о нийоно?

– Думаю, что тревоги твоей матери слишком преувеличены. Более прав был твой отец.

– Я хотела бы надеяться на это.

– Будем надеяться вместе. А сейчас пойдем завтракать, мать заждалась, наверное.

– Да, пойдем. Только... Что ты сказал ей обо мне?

– Я сказал, что ты моя невеста.

– Ой, Кириуша... – Она вспыхнула, спрятала лицо у него на груди.

Но в это время в прихожей настойчиво задребезжал звонок, громко хлопнула входная дверь, и тотчас раздался густой бас Сергея:

– Приехал? Где он, разбойник?

Кирилл раскрыл дверь, вышел в прихожую:

– Здесь я. Раздевайся, проходи.

Сергей сбросил куртку, смахнул с волос капли растаявшего снега:

– А-а, жив-здоров? А я, брат... О, ч-черт! – увидел он вышедшую вслед за Кириллом Огги. – Простите, пожалуйста, не ожидал... И очень, очень рад! Там, в Прибрежном, я иногда, как бы это выразиться... Словом, еще раз прошу извинить.

– Да ладно тебе! – рассмеялся Кирилл. – Вот расшаркался! Пришел – заходи, покажем интересную вещь.

– Ну уж нет! – выглянула из кухни мать Кирилла. – Сначала – за стол! Я не буду в третий раз все разогревать.

– И то верно, – согласился Кирилл. – Пора и позавтракать. Там, за столом, обо всем и поговорим.

— За стол я всегда готов! — отозвался Сергей, вновь обретая обычную самоуверенность.— Прошу вас, Огги! — согнулся он в галантном полупоклоне, пододвигая девушке стул.— И уверяю вас, Анна Николаевна кормит так, как не кормят нигде на свете.

— Ты уж скажешь! — застеснялась Анна Николаевна, поправляя скатерть.— Кормлю, как умею, голодными из-за стола не выйдете. Мужчины, поухаживайте за гостьей, Огги, голубушка, не стесняйся, будь как дома.

Все расселись. Голоса смолкли. В течение нескольких минут слышался лишь легкий перестук ножей и вилок.

— А что, все-таки, вы хотели мне показать? — не выдержал Сергей.— Неужели дневник?

— Да, дневник, вернее, то, что от него осталось. Всего несколько страниц. Но каких страниц! А главное— написаны они точно таким шрифтом, как те письмена, какие ты мне показывал перед отъездом, и написаны в одном из городов той исчезнувшей цивилизации, остатки которой вы так усердно раскапывали нынешним летом.

— То есть, как? Ты же говорил, что это дневник матери Огги.

— Так оно и есть. А ты знаешь, где и когда родилась моя невеста?

— Так ведь вроде не принято говорить о возрасте женщины.

— А все-таки?

— Ну уж, если ты так настаиваешь, то я думаю...

— Не ломай голову,— махнул рукой Кирилл,— все равно не отгадаешь. Родилась Огги в одном из тех самых архитектурных городов. И было это более десяти тысяч лет назад.

— Чего-чего?! Ты что, решил подурячить меня или сам немножко того? — покрутил Сергей пальцем у виска.

— Ни то, ни другое. А дело в том, что в одном из таких городов... Впрочем, что же я буду пересказывать, я лучше прочту уцелевшие страницы дневника. Ты не возражаешь, Огги?

— Напротив. Я хочу, чтобы об этом узнали все. Все люди Земли. Да ведь и сама мама высказала такое пожелание. Ты помнишь, чем заканчиваются ее записи?

— Да, конечно. Тогда — минуточку! — Кирилл быстро прошел в свою комнату и вынес спасенные страницы дневника вместе с переводом Огги.— Вот, уважаемый товарищ историк,— обратился он к Сергею,— оригинал текста, написанного, как ты сейчас убедишься, более десяти тысяч лет назад, а это его перевод, который я вам прочту.

— Ну-ка, ну-ка,— оживился Сергей,— послушаем, что повествуют эти страницы.

— Да, слушайте. Послушай и ты, мама,— обратился он к Анне Николаевне.— Итак, первая запись. Она, к сожалению, без начала:

«Вновь оповестили, что интенсивность жесткого излучения из космоса...» — начал читать Кирилл, и перед глазами сидящих за столом, будто в страшном сне, поднялись тучи горячей пыли, замаячили черные остовы голых умирающих деревьев, обрушились потоки ядовитых дождей, сомкнулись каменные своды серых мрачных подземелий, блеснули свирепые глаза кровожадных людоидов. И над всем этим— всепронизывающий страх за свою жизнь, за жизнь детей, за будущее цивилизации и еще больший страх перед намерением уйти из жизни в надежде перенестись в неизвестное будущее.

«...А если — мало ли что может быть — ты окажешься среди людей, а нас с папой уже не будет, расскажи им, этим людям далекого будущего, обо всем, что здесь написано, не дай им пережить того, что переживают сейчас наши соотечественники за бесчисленные ошибки своих предков»,— закончил Кирилл и обвел глазами притихших слушателей.

Никто не произнес ни слова. Огги сидела бледная, неподвижная, застывшая, как изваяние, Анна Николаевна поспешила вытирала глаза кончиком фартука, Сергей нервно покусывал губы, крепко, до побеления, стиснув на коленях пальцы рук. Наконец губы его разжались:

— Ничего себе цивилизация: саму себя угробила! А впрочем... Давно ли и мы кричали: «Нельзя ждать милостей от природы...»

— Если бы только кричали! А сколько так называемых «директив партии и правительства» было нацелено, если не на уничтожение, то по крайней мере на изуродование природы.

Кстати, вы обратили внимание, в записках матери Огги тоже фигурируют разного рода инструкции, директивы, предписания. Боюсь, эти язвы тамошней бюрократии и явились главной причиной гибели Литании. Этого не установят никакие раскопки. А жаль. Ведь не пришлось бы и нам повторить трагический путь литанийцев. В самом деле, разве не такими же непродуманными, а то и прямо преступными приказами властей всех рангов уже выведены из употребления миллионы гектаров плодороднейших земель, варварски разграблены богатейшие месторождения нефти, выброшены в отвалы десятки ценнейших компонентов в уникальных полиметаллических рудниках, погублены Арал, Севан, Припять, изуродована красавица Волга, нацело истреблена большая часть массивов сибирского кедра, сведены под корень прекрасные плантации винограда, заражены могильниками радиоактивных отходов десятки густонаселенных районов, где, как на бомбе замедленного действия, живут ничего не подозревающие люди. Вот он, призрак минувшего! Что по сравнению со всем этим крохотный тюяунитовый карьер на Кавказе. И мы должны поклясться друг другу выполнить завет матери Огги. не дать безумству подняться во весь рост и привести мир к экологической катастрофе.

– Да, – отозвался Сергей, – но для этого надо, по крайней мере, убедить людей в подлинности этих записей, и тут без наших раскопок... Кстати, а можно взглянуть на оригинал текста?

– Конечно, вот он, здесь, – подала ему Огги, сохранившиеся страницы дневника.

– Потрясающе! Просто потрясающе! – проговорил Сергей, осторожно перебирая шуршащие листы. – Действительно, точно такой шрифт, какой мы обнаружили во время раскопок. Кирилл, а ты не показывал Огги те фотографии, какие я дал тебе перед отъездом?

– Нет, Серега, не до этого было. Я и забыл о них. Сейчас поишу.

– Не надо, у меня есть копии. Вот, взгляните. Огги. Смогли бы вы это прочесть? – Он вынул из кармана фотографию каменного блока с отчетливо выбитой на нем надписью.

– Да, надпись отлично сохранилась. Здесь написано: «Вход в центральный квартал подземного города Верковльво». Верковльво – видимо, название города. А если перевести и это слово, то оно означает что-то вроде: «Надежда на спасение».

– Надо же, как просто! А наши криптологи бились, бились... Но теперь!... Ведь если сопоставить данные радиоуглеродного анализа наших на-1 ходок и этого текста, то подлинность его станет несомненной. Но что это? Смотрите, Огги, коне_ страницы вроде написан другим почерком?

– Да, я предполагаю, это приписка, сделанная рукой отца. Видимо, она начинается после СЛОЕ «Твоя мама».

– Однако Кирилл даже не упомянул об это» приписке. Или здесь что-то сугубо личное?

– Не знаю, я просто не смогла прочесть этот последний абзац. Он написан какими-то странными, словно не нашими буквами. Л

– Но зачем бы вашему отцу писать на незнакомом вам языке? Ведь судя по всему, приписка сделана для вас. Кстати, вот эти первые два слова... Одно из них определенно ваше имя.

– Очень может быть.

– А напишите-ка его обычными буквами вашего алфавита.

– Вот, пожалуйста.

– Да, буквы второго слова в общем схожи. Но все они словно вывернуты наизнанку. Постойте, -остойте! А не кажется ли вам, что это зеркальное изображение? К такого рода записям, я знаю, нередко прибегали мудрецы прошлого.

– Сейчас посмотрим, – Огги поднесла к тексту небольшое зеркальце.

– Ой, в самом деле! Теперь это самые обычные буквы. Сейчас я попробую прочесть и перевести. Вы правы, первые два слова: «Дорогая Огги». А дальше... – Она пробежала глазами написанное. – Дальше так: «Дорогая Огги! Прости, что я заставил тебя поломать

голову над расшифровкой этой приписочки к дневнику нашей мамы. Она сама попросила написать тебе несколько слов, и сегодня, за несколько часов до того, как покинуть этот мир, я просмотрел ее записи. Она очень точно описала обстановку, заставившую нас пойти на небывалый эксперимент, но не пояснила причину, которая привела страну к столь печальному концу. Мне хочется, чтобы ты узнала и это. Но лишь тогда, когда станешь достаточно взрослой. Поэтому я и пошел на эту маленькую хитрость. Так вот, о причинах. По прочтении маминых записей у тебя могло сложиться впечатление, что гибель Литании – естественный итог развития любой человеческой цивилизации. Это не так, дочка. Такого фатального конца можно было бы избежать, если бы страной руководили более умные, более дальновидные, более ответственные люди. Но все было как раз наоборот. На протяжении многих десятилетий Литанию возглавляли бездарные тупицы, заботившиеся лишь о сиюминутном благополучии своего непосредственного окружения и бессмысленном усилении никому не нужной боевой мощи нашего государства. Именно в угоду тому и другому бездумно разграблялась наша земля, ее недра, леса, воды, даже воздух, которым мы дышим. Природа отомстила им за это. А вместе с тем привела к гибели весь народ Литании. Впрочем, и он получил по заслугам: вольно было терпеть над собой власть тупоумных временщиков. Вот и все, что я хотел добавить к написанному мамой. Возможно, мы с тобой еще вернемся ко всему этому в том далеком мире, куда мы надеемся перенестись. Но если сложится так, что ты останешься в нем одна, то распорядись нашими записями, как сама найдешь нужным! Прощай, Огги. Хочу верить, что тебе не придется расшифровать все это: ты успеешь вырасти еще на моих глазах. Но долг отца и ученого заставляет меня предусмотреть все. Твой папа».

Огги перевела заключительную фразу и закрыла глаза рукой.

Несколько минут прошло в молчании.

- Вот и последняя точка над и, – промолвил в раздумье Сергей, снова перебирая чудом прорвавшиеся сквозь толщу веков страницы. – Я всегда говорил, история повторяется.
- Если не учиться на ее уроках, – возразил Кирилл.
- Учиться кому – властителям, чиновникам, дельцам?
- Ну, этих не научит никто и никогда. Я имею в виду народ, всех людей Земли.